

От автора бестселлера New York Times «Жестокие святые»

ЭМИЛИ А. ДУНКАН

БЛАГОСЛОВЕННЫЕ МОНСТРЫ

18+

СПАСЕНИЕ ЛЕЖИТ В САМОМ СЕРДЦЕ ХАОСА

Эмили А. Дункан

Благословенные монстры

Серия «Нечто темное и святое», книга 3

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66608160

Благословенные монстры / Эмили А. Дункан: Эксмо; Москва;

ISBN 978-5-04-160149-2

Аннотация

Монстры на свободе. Завеса, разделяющая оба мира, стерта. Магии крови больше нет.

Великая игра богов разрушила весь мир. Но бояться стоит главного врага. Сущности, что вырвалась на свободу и грозит победить...

НАДЯ

потеряла все: свою силу, любовь, поддержку богини. Ей больше не нужны ответы, она вновь хочет быть простой смертной.

СЕРЕФИН

думал, что разорвал связь с безымянной силой. Но даже кровь на его руках не избавила разум от влияния тьмы.

МАЛАХИЯ

не должен был выжить. Теперь он – никто, лишь жалкий монстр, оказавшийся полностью во власти хаоса. Убьет ли его Нечто или же превратит во что-то великое?

КАТЯ

всегда была охотницей на Стервятников и привыкла воевать против всех. Но разве месть может быть бесконечной?

Мир в хаосе, и нет никакого способа собрать осколки воедино. Но эти четверо все еще могут попробовать, пока есть шанс...

Содержание

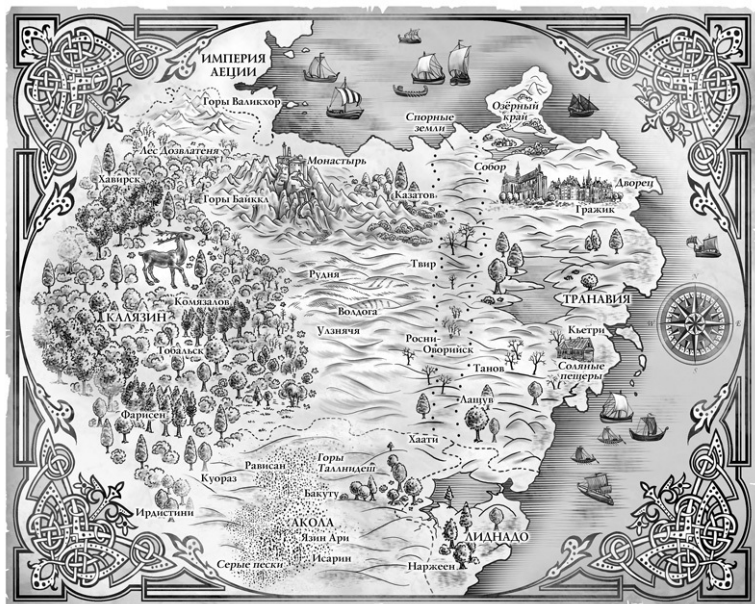
Пролог	7
1	11
Малахия Чехович	11
2	24
Надежда Лаптева	24
3	36
Серефин Мелески	36
4	51
Малахия Чехович	51
5	62
Серефин Мелески	62
6	83
Надежда Лаптева	83
Сцена I	94
7	102
Малахия Чехович	102
8	108
Надежда Лаптева	108
9	127
Малахия Чехович	127
10	137
Серефин Мелески	137
11	153

Надежда Лаптева	153
12	167
Малахия Чехович	167
13	177
Надежда Лаптева	177
Конец ознакомительного фрагмента.	179

Эмили А. Дункан

Благословенные монстры

Для Тао, которая сказала:
«Думаю, нужно написать отдельную книгу про
Малахию».

Пролог

Мальчик, которого поглотил лес

Это была ошибка.

Рашид остался в полном одиночестве посреди леса, который следил, затягивал в свои сети и делал все возможное, чтобы разорвать его на части. В голове юноши крутилась лишь одна мысль: «Это было ошибкой».

«Не переживай, лесу нужны только те, кто обладает магией», – говорила Надя, не отрывая взгляда от Малахии. Рашид не хотел даже думать о том, что именно означал ее тон, когда она произносила эти слова.

Это было ошибкой.

Он похоронил это воспоминание глубоко внутри себя – потускневшее, но не забытое, – что стало еще одной ошибкой. Теперь было уже слишком поздно сожалеть о принятых решениях. Слишком поздно ругать себя за то, что не пошел по другому пути. Когда Париджахан разбудила его посреди ночи и сказала, что они должны бежать, ему следовало сказать «нет». Если бы Рашид знал, к чему приведут все эти политические интриги, если бы оставался тем, кем ему и следовало быть: охранником и пленником. Эти проклятые «если бы» расползались, как паутина, сотнями тысяч разных вариантов. Выбери он любой другой, и его бы здесь могло не

оказаться, а то, что было заперто в самом темном углу его сознания, не пробудилось бы от многолетнего сна.

Он продолжал идти вперед, прислушиваясь к хрусту веток под подошвами сапог, и жалел, что у него нет факела или какого-нибудь самодовольного мага крови, который зажег бы в воздухе яркие огни. На мгновение он практически коснулся этой спящей силы, но резко передумал.

Никакой магии. Он – никто. Стражник, пленник, мальчишка из пустыни, потерянный и беспомощный.

Если он останавливался хотя бы на секунду, лианы опутывали его ноги, нашептывая, что ему лучше остаться здесь. Разве ему не хочется узнать, что живет у него под кожей и так отчаянно пытается вырваться наружу?

Рашид разрубал лианы и продолжал идти вперед. Нет, нет и нет. Деревья – массивные и колоссально высокие, как восемнадцать колонн храма, где его прятали в детстве, – все настойчивее преграждали ему дорогу. Между ними уже почти не оставалось свободного пространства, и он понимал, что скоро окажется в ловушке. Видимо, ему суждено умереть здесь.

А Рашид хотел умереть под лучами солнца.

Он вздрогнул, почувствовав скользнувший под кожей предплечья холодок. Юноша сглотнул желчь, когда что-то зеленое и похожее на червя вырвалось наружу, рассекая его кожу. Он моргнул. Стебель. На нем вспыхнули распутившиеся пунцовые, багряные и бледно-сиреневые цветы, с ко-

торых капала кровь.

Рашид с трудом сдержал крик, готовый вырваться из его горла.

Хруст. Обернувшись, юноша столкнулся лицом к лицу с существом, которое не мог определить сразу. Он ничего не знал о калязинских монстрах, но этот был ему знаком. Чудовище горбилось, словно стесняясь выпрямиться во весь рост. На человекоподобных руках росли длинные когти, а ноги заменяли олени копыта. Голова напоминала олений череп, если бы у оленя было так много... зубов. С его рогов свисали зловонные, гниющие цветы, кишасшие червями.

Ох. Теперь он вспомнил нужное слово.

Леший. Страж леса. Надя часто любила угрожать оставить их всех лешему, утверждая, что им управляет один из ее богов.

Рашид не мог представить ни одного бога, повелевающего этим существом. Оно и само походило на какое-нибудь древнее божество. Но у него было очень смутное представление о том, кого калязинцы считали богами.

Сделав шаг назад, он уперся в ствол дерева. Лес окружил его глухой стеной. Бежать некуда. Он прижался к дереву.

Некогда спящие, забытые слова царапали ему горло. Они казались странными, неправильными и необъяснимыми, но все же они накрепко отпечатались в его сознании.

Спасение не придет. Его судьба решена.

«Лес поглощает только тех, кто обладает магией».

Лес проглотит каждого из их проклятой компании, а затем настанет черед всего остального мира. Потому что они освободили его из заточения и он страшно проголодался.

Малахия Чехович

«На краю вселенной звучит музыка. Песни Чирного пробираются в голову, подобно личинкам, которые медленно пожирают сознание. Ведь ослабленная жертва не может сопротивляться».
Волхоженикон

Малахия Чехович очнулся посреди окровавленного снега. Холод смерти иглой пронзал его до самых костей, и он лежал неподвижно, закрыв глаза. Лед пропитывал последние лохмотья, оставшиеся от одежды, пока кожа не начала гореть.

Наконец могильный холод отступил, сменившись обычным морозным воздухом, и Малахия вздрогнул, пытаясь прийти в себя. Неужели он?..

Да.

Он умер. Его последним воспоминанием была Надя. Истратив все силы, она хваталась за него, пока по ее щекам текли слезы вперемешку с кровью. А затем наступила тьма. Но не покой.

Малахия боялся шевельнуться, боялся потревожить эту напряженную тишину, которая утянула его за собой. Он не должен был дышать.

Он надеялся, что его пальцы почернели от магии, а не от холода. Малахия спрятал свои железные когти и чуть не вскрикнул от облегчения, потому что все еще мог это сделать. Он не чувствовал себя самим собой, но для него это было привычное состояние.

Здесь он и встретит свою смерть.

Вспомнив, что уже мертв, Малахия моргнул и дотронулся до раны на груди. Она не кровоточила, но на ее месте совершенно точно зияла дыра, ведущая прямо к сердцу.

Он не должен был выжить.

На краю его сознания все еще звучали отголоски запретельного, но он не был готов вернуться в то состояние. Оказалось, что приобретение божественности похоже на лотерею, и хаос – не самый приятный приз. Каким бы сладким ни было предвкушение безграничной власти, боль в костях, которые ломались и меняли свою форму, стремясь прорваться сквозь кожу, ощущалась слишком ярко. Если бы Малахия надавил – совсем чуть-чуть, – то мог бы почувствовать, как становится чем-то большим. Он понимал, что уже подошел к самому краю и следующий шаг приведет к падению, но все же ему хотелось как можно дольше сохранять иллюзорное чувство контроля.

Он убил всего лишь одного бога. Впереди еще столько работы.

«Ну что ж, мальчик», – в сознание Малахии просочился ужасающий голос. У него в глазах потемнело, и из виду

исчезли блеклые заснеженные горы с их бесконечной белизной. Не осталось ничего, кроме тьмы.

Малахию было сложно напугать. Он знал все о кошмарах и хаосе. Ему было знакомо ощущение горящих углей на коже, острых иголок под ногтями, живых теней, которые разрывали его на части и собирали заново, создавая что-то новое, что-то неправильное. Он знал, что такое боль. Знал, что такое хаос. Он сам был хаосом.

Но по сравнению с этим хаос казался чем-то мелким и даже рациональным. Это была совокупность всех ужасов мира, превращенная в нечто еще более страшное. Простые, незначительные слова, прозвучавшие из ниоткуда, сковали его запястья и затянулись на шее тугим ошейником. Или обещанием.

«Что ж, – ответил Малахия, стараясь показать Черного Стервятника, а не испуганного мальчишку, – тебе здесь не рады».

Это был неверный ход, и голос лишь мерзко рассмеялся в ответ. Кромешную темноту в его глазах озарили белые вспышки боли. Он был так молод против того, что овладело им.

«Я устал от смертных, которые думают, что могут мне противостоять, – сказал голос. – Я так долго тебя ждал. Но для этого еще будет время. У нас будет время для всего на свете, и особенно для того, чего хочу я. Но сперва нам с тобой нужно познакомиться».

Сердце Малахии билось так быстро, что, ему казалось, оно вот-вот не выдержит напряжения и остановится навсегда. По крайней мере, его смерть остановила бы этот кошмар.

«Тогда ты должен назвать мне свое имя».

«Заслужи это».

Малахия не знал, как ему удалось спуститься с горы. Он стоял возле странной церкви, чувствуя, как каждая клеточка тела разрывается от боли, а лес поглощает его изнутри.

Он привык, что его зрение рассредотачивается каждый раз, когда на теле открываются новые глаза. Привык к вечному непостоянству хаоса. Но эта боль была совсем иной, и ему ничего не оставалось, кроме как стиснуть зубы и терпеть.

Церковь была деревянной, хотя раньше ему казалось, что она построена из камня. Малахии хотелось укрыться от ветра, почувствовать хоть что-то, кроме обжигающего холода. Дверь легко открылась от его прикосновения. Он закрыл ее за собой и с наслаждением погрузился в тишину.

Пол, стены и старые иконы покрывал мох. Малахия чувствовал, как лес цепляется за его истощенное сознание, пытается разорвать его на части, ни на секунду не прекращая высасывать из него остаток сил. Он пересек коридор и закрыл дверь на лестницу, ведущую к колодцу. Ему не хотелось думать о том, что сделала Надя. Кости громко хрустели под подошвами его сапог, пока он шел к святилищу. Он прошел мимо, надеясь найти комнату поменьше, чтобы свер-

нутья в клубок и наконец-то согреться.

Может, ему уже никогда не удастся согреться.

Пробравшись сквозь гниющие растения и хрупкие кости, Малахия обнаружил небольшую комнату, судя по всему, предназначенную для смотрителя церкви. Он побросал в старую печь обломки мебели и потянулся к своей книге заклинаний, но ее не было на месте. Равно как и кинжала, который он много лет носил с собой. В один миг его охватило разочарование, тревога и жгучий страх. Зажмутив глаза, он рухнул на землю, а из его груди вырвался долгий, прерывистый вздох.

Малахия закрыл лицо руками в надежде, что больше не услышит кошмарный голос. Он подозревал, что существо всегда было где-то поблизости и наблюдало за каждым его шагом. Чудовище выжидало, чтобы нанести удар в самый неожиданный момент. Пока он изо всех сил жмурился, прикрывая лицо ладонями, на его руке открылись новые глаза. Это сильно сбивало с толку.

Разорвав смертные узы, связывающие его с этой реальностью, Малахия гораздо острее ощутил, как много отняли у него Стервятники. Как много он потерял. Но насколько реальными были его воспоминания?

Ему вспомнился мальчик со шрамом на глазу, которому он носил книги в комнату после того, как на мальчика напали наемные убийцы. Как он слонялся по дворцу, пока они с мальчиком не вернулись к занятиям.

Его брат.

Серефин. Его убийца.

Когда-то Малахия мечтал о семье, но сейчас хотел забыть о ее существовании. Уж лучше навсегда заменить ее той ложной семьей, которую он сам для себя создал. Примириться с этой мыслью было непросто.

События последних нескольких дней казались запутанными и туманными. Лес вцепился в него своими когтями еще до того, как они добрались до Тзанеливки. Как только они покинули монастырь и вошли в лес Довзлатеня, тот ожил и начал свое наступление, желая поглотить Малахию. Всю дорогу Серефин держался на расстоянии, страдая от постоянных приступов, из-за которых его глаза кровоточили. И если у него – или Нади – и был хоть какой-то злой умысел, то Малахия явно был слишком рассеян, чтобы это заметить.

И все же он не понимал. Почему Надя защитила его от своей богини? Зачем она позволила ему ощутить пугающую силу ее магии?

Малахия обладал силой бога, но это было лишь жалкой каплей по сравнению с тем, какая мощь таилась в этой калязинской девчонке с белоснежными волосами, которая даже не осознавала своего могущества. Эта мысль вызывала волнение и ужас. Лучше бы она его не предавала. С другой стороны, он предал ее первым. На протяжении целого года они вонзали нож в спины друг друга, как только подворачивалась такая возможность. Она была его врагом, и было глупо по-

лагать, что это когда-либо изменится.

Он дотронулся до косточки, вплетенной в его волосы. У него еще оставалось несколько реликвий, и их сила ощущалась на кончиках пальцев. С ее помощью он мог бы вырваться за пределы собственного сознания и покинуть смертное тело. Вознестись. Но, пожалуй, это была последняя вещь, которую он хотел бы сделать. Малахия безучастно уставился на холодную печь, осознавая, что без своей книги он совершенно беспомощен. Но даже если бы она все еще висела у него на бедре, смог бы он использовать заклинания? Неужели Надя и правда уничтожила магию крови?

Малахия раздраженно провел железными когтями по внутренней стороне руки, надеясь, что ошибся и что ее предательство не зашло так далеко.

Но в его крови не осталось ни капли магии.

Он тяжело сглотнул и уставился на капающую кровь, с трудом сдерживая слезы. На что он может согнуться без своей магии? Какой смысл в его существовании? Он был всего лишь монстром. А те незначительные остатки магии, скрытой в темных глубинах его существа, принадлежали хаосу, и он не был уверен, что сможет с ней справиться.

Малахия задрожал. Он очень сильно замерз, а игнорировать боль, накатывающую при каждом движении, становилось все сложнее. Но, по крайней мере, все вернулось к привычному: глаза, рты и судороги. Никаких лишних конечностей или дополнительных костей в неправильных местах.

Всю свою жизнь он надеялся, что сможет изменить мир к лучшему, и всегда видел яркий луч света где-то за пределами окутавшей его тьмы, даже если каждый новый шаг отдалял его от цели.

Но теперь свет погас, и он больше не знал, за что сражается. Осталось ли на свете хоть что-то, за что стоило бы сражаться?

«Больше нет Малахии Чеховича».

Малахия не мог позволить себе упасть, потому что не знал, сможет ли вернуться из этой обители хаоса, но его собственные черты постепенно стирались, а человечность висела на волоске. И этот процесс невозможно было остановить.

Эта тьма превосходила мрак Соляных пещер, куда не проникало ни единого луча света. Это был вакуум. Ничто.

Осознанность стала относительным понятием. Неважным. Бессмысленным. Таинственный бог перенес его сюда, и Малахия решил называть вещи своими именами, прекрасно осознавая, что ему, скорее всего, придется пересмотреть свои прежние идеалы. Но он точно знал, что этот бог не относился к пантеону, которому Черный Стервятник объявил войну.

«Нет».

«Тогда что ты такое?»

«Старшие, значительнее, могущественнее».

Малахию затянуло в пучину хаоса, и его кости затреща-

ли. Они ломались лишь для того, чтобы срастись совершенно иначе, меняя форму и назначение. Сталь проткнула его кожу, а острые зубы пронзили насквозь. Десятки новых глаз моргали, затуманивая его зрение, и он спрашивал себя: как далеко это может зайти? Сколько еще он сможет выдержать? Насколько сильно изменится его тело, прежде чем в нем не останется ничего человеческого?

«Сопротивляться не в твоих интересах. Мы с тобой от- лично сработаемся».

Малахия не знал, как на это ответить: в тот момент у него даже не было рта. Лишь страх, паника и ясность – предель- ная ясность.

Пусть все идет своим чередом. Пусть этот бог объяснит, что ему нужно.

«Ах, так ты сдаешься. Я знал, что ты умен. Знал, что все поймешь, если прислушаешься ко мне».

Но Малахия не сдался, а лишь пытался выиграть время. Он знал, как вести себя с теми, кто вообразил, будто им мож- но манипулировать. Когда-то он уже справился с Изаком, так что справится и с этим чудовищем.

Только... он не знал, как справиться с Надей. Она получи- ла власть над его сердцем, которого, как ему казалось, он ли- шился много лет назад. Больше он не совершит такой ошиб- ки.

Но Малахия мог притвориться, что богу удалось сломить его волю. Мог сыграть в эту игру.

К тому же у него просто не было возможности спорить. Хаос был ловушкой. Он без труда подчинял себе все живое, не позволяя сопротивляться. Малахия знал, что произойдет, если он выйдет за пределы человеческого познания. Он изучил достаточно книг и документов, чтобы понимать: это либо убьет его, либо превратит во что-то действительно великое. Предсказать результат было невозможно. И хаос являлся не просто даром, он был наказанием, тюрьмой.

Сожаление – это роскошь, которую Малахия не мог себе позволить. Он был вынужден вернуться в божественное состояние, и его тело ломалось под натиском этого неведомого существа, этого бога. У него больше не осталось сил сопротивляться. Он совершил так много ошибок, породил так много лжи и теперь оказался на самом краю вселенной. Мощественный бог. Сломленный мальчик. Он так чертовски устал.

«Я знаю, чего ты хочешь. Послушай, тебе будет не так больно, если мы придем к согласию».

Чего же хотел Малахия? Когда-то цель была совершенно ясна, но потом судьба свела его с калязинской девчонкой. Умной и порочной, которая не имела ничего общего с его представлениями о народе этой отсталой страны и слепо выполняла приказы своей обманчивой богини. Эта встреча изменила великие замыслы Малахии. Он убил Марженю вовсе не потому, что хотел сокрушить Калязинскую божественную империю, а потому что она заставила Надю смотреть, как он

разваливается на кусочки. Потому что она привела Надю к ее собственному уничтожению. Использовала ее как инструмент для того, чтобы отнять магию у транавийцев. Он больше не мог наблюдать за тем, как богиня пытается погасить яркий свет, исходяемый Надей, только потому, что девушка посмела пойти другим путем.

Надя никогда его не простит, но и Малахия не знал, сможет ли простить ее.

Может, это все, что ему осталось. Он уже убил одного бога и убьет еще многих.

Он прислушался к хаосу.

«Очень хорошо, – в голосе бога слышалось одобрение. – Вместе мы погрузим этот мир во тьму, чтобы принести свет».

«Чего ты хочешь?»

«В тебе есть сила – божественная и смертная, – и я хочу воссоздать этот мир заново, прежде чем разбросаю твои кости по окраинам своих владений».

«Хорошо... Я всегда хотел только мира для своей страны».

«И это все?»

Слишком многое изменилось. Он сам изменился. То, что когда-то казалось ясным, скрылось в тумане. Но, в конце концов, его желания остались прежними. Он жаждал того же, и не важно, в какой форме. Он хотел мира. Хотел, чтобы больше никому не пришлось страдать так же, как ему. И де-

ло было даже не в Стервятниках – ведь они все равно никуда не денутся, – а в войне, в этом бесконечном кошмаре.

Но было еще кое-что. Скрытое желание, в котором Малахия никак не мог признаться, потому то это означало бы, что он искушает судьбу. Вот только у них с Надей не было будущего. Так что ему следовало собрать разбитые осколки своего почерневшего сердца и запереть их под замком. Если он этого не сделает, то снова найдет дорогу к ней. Настало время признать, что они навсегда останутся врагами.

«Я хочу лишь мира», – повторил он.

«Благородная цель. Возвышенная. Ты просто герой», – язвительно заметил невидимый бог.

«Я прекрасно знаю, кто я такой», – огрызнулся Малахия. Ему не требовались напоминания о том, что он сделал.

«Нет, не знаешь. Мы с тобой отправимся в путешествие, чтобы это выяснить. А когда оно подойдет к концу, я сломаю тебя, если потребуется».

«Я спрошу еще раз: чего ты хочешь?»

«Твое существо находится в идеальных обстоятельствах. И я уже дал тебе все необходимые инструменты, чтобы сделать первые шаги в нужном направлении».

Малахия нахмурился. Он понятия не имел, к чему все это приведет.

«Первые шаги... Мне нужно убить еще одного бога?»

«Я знал, что выбрал тебя не просто так», – самодовольно заключил бесплотный голос, прежде чем выпустить Ма-

лахию из своей хватки.

Надежда Лаптева

«Из рта Своятова Еремея Меледина выползло двенадцать сотен змей. Когда последняя змея упала на землю и прозвучало последнее слово, жизнь покинула его».

Житие святых Васильева

Сквозь грязные окна фермерского домика просачивался свет, в котором кружились частички пыли. Надины руки были обернуты полосками плотной ткани, и она мусолила в пальцах край повязки, испытывая непреодолимое желание сорвать ее со своей кожи.

Прошло четырнадцать дней с тех пор, как она упала с горной скалы и потеряла все. Всего лишь две недели. Сказать, что она провела все это время в рыданиях, было бы преуменьшением.

Она одернула потрепанный манжет своего платья, чтобы наконец отвлечься от повязки.

Рашид сел рядом с ней за маленький столик, держа в руке две чашки чая. Надя осторожно взяла одну из его рук, дожидаясь, пока он устроится поудобнее. Аколиец благодарно улыбнулся и заправил за ухо прядь длинных черных во-

лос. Запястье юноши было надежно зафиксировано специальным креплением, на руках и лице багровели мелкие порезы, а вдоль предплечий тянулось несколько уродливых, глубоких ран. Надя не хотела даже думать о том, откуда они взялись. Она не стала спрашивать, что случилось в лесу, а он не поднимал эту тему.

Никто из них не говорил о произошедшем. Пережитые ужасы были еще слишком свежи в памяти Надиных спутников, и она не тешила себя надеждами, что им пришлось легче, чем ей. Может быть, они – точнее сказать, большинство из них – и выбрались из леса живыми, но каждый оставил там частичку себя. Лес был ненасытен.

У Нади ничего не осталось.

Дверь с грохотом распахнулась, и Надин чай чуть не пролился на стол, когда кто-то пнул спинку ее стула.

– Ну все, kovoishka, время вышло, – Екатерина Водянова плюхнулась на стул, который стоял напротив, окинула взглядом их чашки, а затем поднялась с места и торопливо вышла из комнаты.

Надя озадаченно нахмурилась, но царевна тут же вернулась обратно с бутылкой вина. Небрежно поставив вино на стол – и где она откопала эту бутылку? – девушка откинулась на спинку стула и забросила ноги на соседнее сиденье.

Ее густые черные волосы лежали на плечах выющимися кудрями, а длинный порез на щеке постепенно заживал, но Надя не сомневалась, что на этом месте останется шрам. Ца-

ревна была одета в военную форму, если не считать отсутствующего мундира, а ее черные сапоги и кремовая рубашка выглядели до неприличия чисто. Словно она и не шла через лес вместе с остальными.

– Я дала тебе достаточно времени. Мне надоело ждать, – продолжила Катя. Ее взгляд переметнулся на Рашида: – Если ты тоже хочешь что-то рассказать, у меня ушей на всех хватит.

– У нас уже был друг, у которого на всех хватало глаз. Буквально. Спасибо, что напомнила про это ужасное зрелище, – ответил Рашид.

Надя не могла решить, смеяться ей или плакать, но она точно знала, что не хочет ничего рассказывать.

Ее богиня была мертва.

Малахия убил Марженю, и Надя ему в этом помогла. Как другие боги отреагируют на совершенное ими преступление?

С того момента они полностью игнорировали Надю. Они и раньше могли подолгу молчать, но сейчас эта пустота ощущалась совсем по-другому. Девушка испытала на себе все виды их безразличия и умела отличать одно от другого. Теперь это было что-то новое, болезненное. Лучше бы она вообще не чувствовала их присутствия. Или, может, так будет даже проще? Она не знала. Сама структура мироздания изменилась, вселенная резко накренилась, грозя окончательно слететь со своей оси. И это была ее вина. Она все сломала.

– Не заставляй меня приказывать тебе, kovoishka, – Катя сделала большой глоток вина и окинула Надю внимательным взглядом, рассматривая бледнеющие синяки, которые Маржени оставила на коже своей клирички.

Даже сейчас Надя чувствовала, как ее кожа рвется от прикосновений богини. Чувствовала теплую кровь Малахии на своих руках.

– Приказывай. Это все равно ничего не изменит, – сказала она, обхватывая свою чашку обеими руками.

Катя прищурилась. Уже две недели они ждали солдат из ближайшего гарнизона, но отряд так и не появился. Надя подозревала, что они все еще бродили где-то в окрестностях леса, но Катя, судя по всему, не теряла надежды на их возвращение. Как бы там ни было, что царевна могла с ней сделать?

Конечно, Катя представляла определенную угрозу, но не здесь и не сейчас. Все, что у нее было, – это королевский титул и какая-то слабая магия, которую она едва умела использовать. Но если царевна считала полезным узнать обо всех ужасах, пережитых Надей, как смела простая крестьянка противиться ее воле?

– Богиня мертва, – тихо сказала Надя. – Некоторые падшие боги восстали против пантеона, а другие решили, что им больше не интересен мир смертных.

– Это невозможно.

– Думаю, в ближайшее время ты и сама увидишь,

что невозможное стало возможным. — Надя согнула свою оскверненную руку.

Казалось, Катя не была удовлетворена таким ответом.

— У меня нет времени на твои теологические загадки.

— Какие уж тут загадки. Маржениа мертва. Велес и остальные, — она помахала рукой, — освободились из векового плена. У меня нет ответов, которые ты ищешь, потому что никто не удосужился рассказать мне об их существовании.

— Поэтому ты решила разрушить все преграды, стоявшие у тебя на пути, и уничтожить ту небольшую стабильность, которая у нас была, — саркастически закончила за нее Катя.

«Я была послушным маленьким солдатом, — подумала Надя. — Я сражалась с людьми, являвшимися самыми настоящими монстрами. Не задавала вопросов и всегда верила, что все, о чем мне рассказывали, — абсолютная правда. Но на самом деле это была ложь. Чего они от меня ожидали? Что я закрою глаза на их обман и останусь прежней?»

— Тебе лучше надеть перчатку, — Катя нахмурилась, с отвращением глядя на ее руку.

Надя задумчиво хмыкнула в ответ. Когда-то ее тоже пугала эта почерневшая, когтистая лапа, но теперь страх притушился и сменился каким-то новым чувством.

— Как вообще можно убить божество? — пробормотала Катя.

— Самому стать богом, — тихо ответила Надя.

Это никак не давало ей покоя. Хаос казался идеальным

призванием для такого юноши, как Малахия, но это был чудовищный, вечно меняющийся и бурлящий ужас. Безумие, в которое они погрузились той ночью в соборе, наконец-то приобрело смысл. Хаос охватил мир в тот самый момент, когда родился бог хаоса. Это было неизбежно. Все, что случилось с ее сердцем – разбитым, окровавленным, но все еще тоскующем по нему, – тоже было неизбежно. Нежных рук и осторожных улыбок Малахии было недостаточно, чтобы скрыть его истинное, кошмарное нутро.

– Но это значит...

– Я не знаю, – прошептала Надя. – Он тоже мертв.

Катя даже не потрудилась скрыть свое удовольствие. Наде показалось, словно ее ударили в грудь.

– Я и не думала, что этот пьянчуга на что-то сгодится.

Рашид напрягся, и Надя почти схватила его за рукав, но быстро одернула себя. Что бы ни собирался сделать аколиец, бессердечная царевна этого заслуживала. С другой стороны, почему она не должна радоваться смерти заклятого врага Калязина?

Вместо этого Надя сделала вид, будто не поняла, что у Кати и Серефина был тайный план. Это не стало для нее сюрпризом. Принцесса строила из себя охотницу на Стервятников, а Малахия был самым главным трофеем.

Вот только клинок, способный его убить, принадлежал Наде. Неужели Пелагея заранее знала, чем все закончится, когда давала ей костяной кинжал?

Ведьма предупредила Надю, что горы уничтожат Малахию, но она и представить себе не могла, какими разрушительными будут последствия их священного похода.

– Если ты не заметила, он так и не вернулся, – хмуро заметил Рашид.

Катя закатила глаза:

– Ты и сам знаешь, что это еще ни о чем не говорит. Мы не знаем, где именно лес выплюнул Серефина и Кацпера...

– Если он вообще их выплюнул, – пробормотала Надя.

– Не то чтобы я с нетерпением ждала их возвращения, – продолжила царица, проигнорировав ее замечание. – Честно говоря, мне все равно, что с ними произошло. Но мне были обещаны зубы Черного Стервятника, а у него они такие хорошие...

– Заткнись.

Катя вопросительно подняла бровь:

– Ты не должна по нему скорбеть.

– Не твое дело.

– Тебе стоит быть осмотрительней. Я не смогу защитить тебя от тех, кто возложит всю вину за произошедшее на твои плечи.

– За что именно? За его смерть? Или за смерть Маржени? А может быть, за Транавию, которая лишилась магии крови?

Катя побледнела и, понунив плечи, опустила ноги на пол. Теперь царица выглядела не такой дерзкой и высокомерной, как прежде.

– Чего ты от меня хочешь? – спросила Надя.

– Разве это не очевидно? Если этот мальчишка... Боги, если они оба сделали то, о чем ты говоришь, то ты единственная, кто может нам помочь.

– Я только что упала с горы, после того как любимый мной человек убил мою богиню, а потом и сам был убит прямо на моих глазах. Катя, я не собираюсь никому помогать.

Царевна вздрогнула:

– И не смей больше говорить про зубы Малахии.

– Я и не собиралась, – тяжело вздохнула Катя. – Я бы со слезами, если бы сказала, что сожалею о его смерти. Но мне жаль, что это причинило тебе боль.

– Боги, да ты просто сама тактичность.

Катя пожала плечами:

– Он убил тысячи калязинцев, и это только его личные заслуги. Представь, сколько жертв на счету его проклятого культа.

– Прекрати говорить о нем.

Запустив пальцы в свои темные локоны, Катя поднялась на ноги и принялась расхаживать из стороны в сторону:

– Так ты говоришь, что лишила транавийцев магии крови?

Надя не была в этом уверена. Марженя сказала, что они просто забудут, как творить магию. Может быть, они могут снова научиться читать заклинания, а может, все их магические способности утеряны навсегда. Судя по реакции Малахии, последнее предположение было ближе к истине.

– Я не знаю.

Катя посмотрела в окно.

– Нам пора уходить отсюда, – она прошептала эти слова так тихо, что Надя с трудом уловила их смысл.

Они с Рашидом обменялись озадаченными взглядами. Так ничего и не объяснив, царевна схватила недопитую бутылку с вином и выскочила из комнаты.

– Это было бесполезно, – сказала Надя, делая глоток чая. – Что случится с миром, если боги решат, что он им больше не интересен? – она нахмурилась. – Как нам пережить восстание чудовищ, которые обезумели за годы, проведенные во тьме?

– Я не готов к таким разговорам, – весело ответил Рашид.

Она одарила его тусклой улыбкой, когда дверь в комнату тихо открылась. Вокруг Нади обвились теплые руки, и на ее голову опустился чей-то подбородок. Она знала, что это Париджахан, но промелькнувшая черная прядь заставила ее сердце биться быстрее.

Надя не знала, как справиться с тем, что дорогие ей люди сперва возвращались к ней, а затем покидали ее навсегда. Сначала Костя, потом Малахия. Кого еще заберет у нее жестокая судьба?

– Вам обоим нужно уехать, – сказала она, склоняя голову к руке Париджахан и переплетая с ней пальцы. – Возвращайтесь в Аколу, пока еще не поздно.

Когда Рашид поднял взгляд на Париджахан, от Нади не

ускользнуло выражение надежды и жалобной мольбы, на мгновение исказившей его лицо. Для них это была чужая война, чужие боги. Они могли бы уйти живыми и невредимыми. Наде отчаянно хотелось, чтобы ее друзья отправились домой, ведь тогда ей не придется видеть, как они умирают.

Париджахан вздохнула.

– Они хотят, чтобы ты вернулась, – тихо сказал Рашид.

Его слова многое проясняли. Вот почему Париджахан казалась такой расстроенной во время их путешествия в Тачилвник. Но это не объясняло их тайных разговоров с Малахией: старые друзья явно сердились друг на друга. Париджахан бежала от того, что ждало ее дома, но вряд ли это могло быть хуже надвигающегося шторма, который вот-вот накроет весь Калязин.

– Нет, не хотят, – ответила аколийка. – Цветистые письма с мольбами о прощении никогда не бывают искренними.

– Твои кузены не стали бы...

– Рашид, не будь дураком, – решительный тон Париджахан насторожил Надю, и она озадаченно нахмурилась. – Мы можем умереть здесь или умереть там.

– Хотя бы подумай об этом, – мягко сказала Надя.

Аколийка еще крепче обхватила ее руками:

– Я тебя не брошу. Только не теперь, когда мы потеряли его.

– Он уже был потерян, – пробормотала Надя. – Я знала, что лес его убьет, но и подумать не могла, что все случится

именно так.

Париджахан замерла, а Рашид бросил на нее очень странный взгляд. Почему бы ей не взять всю вину на себя? Ведь она с самого начала знала, что Малахия не вернется из леса, только не ожидала, что его убьет Серефин. Но, в любом случае, это было неизбежно. Она вступила в игру против него, и он проиграл.

А ей досталось разбитое сердце.

– Даже если ты заранее задумала... – начала Париджахан.

– Задумала, – подтвердила Надя. – И очень сожалею о том, что сделала, но пути назад уже нет.

В этот момент дверь с грохотом распахнулась, и в комнату ввалилась Катя, таща за собой за запястье одного растерянного мага крови.

– Садись, – сказала Катя.

Сверкнув глазами, Остия продолжила стоять до тех пор, пока царица сама не опустилась на стул. Ее и без того криво постриженные волосы свалились комками, а повязка больше не прикрывала пустую глазницу, обрамленную шрамами.

Она тихо выругалась на транавийском и сняла с бедра книгу заклинаний, бросив ее на стол. В комнате воцарилась напряженная тишина.

Предплечья Остии были испещрены свежими порезами. Некоторые из них уже начали покрываться коркой, а из других продолжала течь вязкая кровь, но девушка держалась так, словно ничего не замечала.

– Ничего не выходит, – прошипела она.

– Попробуй еще раз, – настаивала Катя.

– Подождите, – вмешалась Надя, но тяжелый взгляд цариц тут же заставил ее осечься, и она откинулась на спинку стула.

Остия покачала головой и, открыв свою книгу заклинаний, озадаченно нахмурилась.

– Я даже не могу их прочесть, – сказала она надломившимся голосом.

– Можно? – спросила Надя, нерешительно протянув руку за книгой.

Остия молча кивнула в ответ. Перевернув несколько страниц, Надя убедилась, что могла прочесть написанный текст: он совершенно точно был на транавийском, но в словах как будто не было смысла. Словно им не хватало чего-то важного.

– Для меня это выглядит как полная бессмыслица, – сказала Остия.

– Мы уезжаем, – объявила Катя. – Вы достаточно долго упивались своим горем и жалели себя. Пора отправляться в Комязалов. Мне нужно поговорить с отцом.

Встретившись с напряженным взглядом Остии, Надя тяжело сглотнула. Похоже, у них с транавийкой появилось что-то общее: обе девушки не горели желанием предстать перед царем.

Серефин Мелески

«Велес не различает правду и ложь. Для него все едино. Правда и ложь – это всего лишь слова, а слова ничего не значат».

Записки Владзимежа

Лучше бы Серефин умер от потери крови. С тех пор как его охватила лихорадка, он не раз размышлял о том, как хорошо было бы просто сдаться.

Когда он пришел в себя, то не понял, где находится. Его окружали темнота и холод. Кто-то свернулся калачиком рядом с ним – что было совсем на него не похоже, – и его разрушенный мир начал складываться воедино, когда он понял, что это Кацпер. Серефин дотронулся до повязки на левом глазу, а вернее – до пустой глазницы. Прикосновение вызвало вспышку боли, похожую на невыносимую мигрень, но он больше не чувствовал себя так, словно ему в голову воткнули острое лезвие.

Серефин все еще чувствовал кровь брата на своих руках, чувствовал, как воля жестокого бога заглушает его собственную, пытаясь захватить сознание и использовать тело в сво-

их неведомых целях. С тех пор он больше не терял контроля над собой. И для этого потребовалось всего лишь вырвать свой собственный глаз.

Учитывая все обстоятельства, это была небольшая цена за свободу.

Серефин устроился поудобнее и прижался лбом к затылку Кацпера, надеясь, что сегодняшняя ночь пройдет без кошмаров.

Но он снова оказался на фронте, а вокруг стоял оглушающий шум. Крики, плач и реки крови. Стрела, просвистевшая возле его лица, оцарапала щеку, и теперь его тоже заливала кровь. Подругу Серефина, Ханну, порубили на куски калязинские мечи, рассекая ее плоть с такой скоростью, что это просто не могло быть реальностью. Когда один из мечей нацелился на Серефина, он резко проснулся и, вздрогнув, провел рукой по волосам, пытаясь убедить себя, что фронт остался где-то позади, в далеком прошлом. Он был весь мокрый от пота, а его судорожные вдохи сменились мелкой дрожью, и он уткнулся головой в колени, изо всех сил стараясь взять себя в руки.

– О, доброе утро, – сонно пробормотал Кацпер, и от хриплых ноток, прозвучавших в его голосе, по телу Серефина пронеслась не менее лихорадочная волна согревающего тепла. – Это всего лишь ночной кошмар.

– Но когда ты находишься во сне, он кажется таким реальным, – пробормотал Серефин, прежде чем поднять голову.

Кацпер прищурился, когда на его лицо упал луч света, проникший сквозь щель их наскоро поставленной палатки.

– Ох, кажется, мы проспали. – Его смуглая кожа была теплой, а темные кудри растрепались после долгого сна. – Ты выглядишь так, словно тебе уже лучше, – с надеждой в голосе сказал он.

Они не просто проспали до полудня. Они вообще не должны были спать одновременно: кому-то из них стоило остаться на страже, но с каждым днем это становилось все сложнее и сложнее.

Серефин кивнул, теребя край своей повязки.

– Лихорадка прекратилась. Надеюсь, это хороший знак и я все-таки не умру.

– Или это плохой знак и ты все-таки умираешь, – сказал Кацпер.

– Выметайся из моей кровати.

Кацпер тихо рассмеялся, сел и перегнулся через Серефина, потянувшись к своей сумке:

– Это даже нельзя назвать кроватью. Снимай повязки.

Серефин ненавидел этот процесс, но все-таки послушно развязал бинт и начал осторожно его разматывать, открывая остатки своего левого глаза. Кацпер достал из сумки чистые бинты и на мгновение обхватил лицо Серефина ладонями.

– Как я выгляжу? – спросил Серефин. Все это время он избегал любых возможностей увидеть свое отражение.

– Как лихой разбойник. Потрепанный, но очарователь-

ный, – с легкостью ответил Кацпер, и Серефин поднял бровь.

Кацпер осторожно провел пальцами по лицу своего короля. Его прикосновение было нежным и легким, как перышко, и Серефин с трудом удержался от того, чтобы не утащить Кацпера обратно в спальный мешок.

– Без шрамов не обойдется, – пробормотал Кацпер. Он дотронулся до пореза, который заканчивался возле губ Серефина. Заживая, тот слегка натягивал уголок его рта. – Некоторые люди будут судить тебя по внешнему виду, и твое лицо может их напугать.

Серефин закрыл глаза.

– Но я не из их числа, – продолжил Кацпер, понизив голос, и осторожно снял последний бинт.

Не выдержав долгого молчания, Серефин открыл глаза: старый целитель зашил его другое веко, пока глазница не заживет.

– Кацпер?

Моргнув, Кацпер опустил руки.

– Прости, – сказал он. – Опухоль поползла вниз. Тебе больно?

– Кровь и кости, да.

Серефин постоянно испытывал боль. Бесконечная мигрень то немного угасала, то разгоралась с новой силой.

Кацпер немного замялся, прежде чем прижать ладонь к щеке Серефина:

– Главное, что ты выжил.

– О, так, значит, все настолько плохо.

Последовавшая тишина не очень-то воодушевляла.

– Кацпер.

– Твой глаз так и не восстановился полностью, – наконец сказал он. – Но я все еще верю, что ты поправишься.

Серефин не был настроен так оптимистично. Вокруг него все еще порхали мотыльки. Что-то было не так. Как будто его разобрали на части и собрали снова в неправильном порядке. Долгое путешествие через весь континент, проделанное по прихоти беспощадного бога, не пощадило его здоровья.

Кацпер тщательно очистил пустую глазницу, прежде чем снова перевязать голову Серефина и осторожно поцеловать его в лоб.

Они покинули крошечную калязинскую деревню несколько недель назад, хотя Серефин был не в том состоянии, чтобы путешествовать. Но последнее, чего он хотел, – это застрять в Калязине без возможности вернуться домой. Только, похоже, этот кошмар стал его новой реальностью. Он понятия не имел, что происходит на фронте или при дворе.

Сев на корточки, Кацпер убрал оставшиеся бинты обратно в рюкзак. Закончив сборы, он застегнул рубашку и с сомнением посмотрел на свой военный мундир.

– Не надевай его, – сказал Серефин, приглаживая свои спутанные волосы, после чего завязал их в хвост. И когда они успели так отрасти?

Кацпер сел рядом, чтобы натянуть сапоги, и Серефин при-

жался лицом к его плечу. На мгновение юноша напрягся, но затем все же прислонил висок к голове Серефина. Так было всегда: секундное колебание, возникавшее каждый раз, когда Кацпера охватывала неуверенность. Серефин научился определять эти моменты сомнения.

Он знал Кацпера три года, но это были три долгих года, наполненные хаосом. Когда люди узнают друг друга в необычных обстоятельствах, вроде полей сражений или мучительных ночных дежурств, их познания можно назвать довольно специфичными. Серефин знал, что Кацпер вырос в Зовече — одной из южных провинций Транавии. Он был чуть ли не самым младшим из пяти детей, и почти все его братья и сестры побывали на фронте, прежде чем вернуться домой на ферму. Но Кацпер ненавидел грязь, так что деревенская жизнь явно ему не подходила. Он не любил выращивать растения, но его очень интересовало, какое воздействие они могут оказать на человека. В частности, его привлекали яды. Жизнь человека легко можно было нарисовать в общих чертах в спокойные моменты между столкновениями со смертью на фронте.

Кацпер занялся шнуровкой сапог, и Серефин поднял голову, чтобы изучить его лицо, размышляя о мелочах, которых не знал. Ему было известно самое основное о каждом солдате своего полка, но мелочи? Это давалось сложнее.

У Серефина не было друзей. Он просто не знал, как их заводить. У него была только Остия: они привязались друг к другу с самого детства и взаимно решили, что так должно

быть всегда. Она пошла на войну только ради него.

А вот Кацпер... Он помнил тот день, когда повысил Кацпера и принял его в свой внутренний круг. Вспомнил, как их отношения становились все менее и менее официальными. Это был медленный процесс. Постепенно Кацпер становился увереннее и уже мог отпускать шуточки про Серефина, не извиняясь за свое поведение, он словно говорил не с принцем, а с обычным человеком. В Серефине зарождалось какое-то новое чувство, которое обжигало его изнутри каждый раз, когда Кацпер улыбался. Он даже не осознавал, насколько доверял своему помощнику, пока Гражик не погряз в хаосе и Серефин не начал постоянно обращаться к нему за советом.

Так откуда взялись эти сомнения?

Он протянул руку и коснулся шершавой щеки Кацпера, заросшей легкой щетиной.

– Сер?..

Серефин поймал последние буквы своего имени губами. Кацпер издал жалобный низкий звук и обхватил шею короля одной рукой, поглаживая чувствительную кожу большим пальцем.

Он хотел узнать Кацпера так близко, насколько это вообще возможно. К сожалению, обстоятельства, в которых они оказались, совершенно к этому не располагали.

– Что это было? – спросил Кацпер, переводя дыхание.

– Почему ты так напрягаешься, когда я до тебя дотраги-

ваюсь?

Кацпер растерянно моргнул:

– Что?

Серефин тут же пожалел о своих словах и отвел взгляд. Он не был готов к этому разговору.

– Н-нет, я... не обращай внимания...

– погоди, – сказал Кацпер, поворачивая лицо Серефина обратно к себе. – Это происходит неосознанно.

– М-м.

– Потому что ты король.

Это был не тот ответ, который хотелось бы услышать Серефину.

– Я просто Серефин, – сказал он с нотками отчаяния в голосе.

– Я знаю. Ты – это ты. Но в то же время ты – нечто большее.

Серефин отвернулся и сжал губы. Им пора было выдвигаться в путь.

– Не надо от меня закрываться, – растерянно сказал Кацпер, нахмурившись. – Мы можем об этом поговорить?

– Разве тут есть о чем говорить?

– Вообще-то да.

– Я не хочу все усложнять.

– Я понимаю. Но этот разговор не обязательно должен быть сложным. – Кацпер взял его за руку, провел пальцами по его ладони и снова отстранился. – Прости. Я буду внима-

тельное следить за своей реакцией. Но и ты должен помнить, что я нарушаю тысячи правил, и мне нужно время, чтобы к этому привыкнуть.

– Каких таких правил?

– Не прикидывайся дураком, Серефин. Тебе нужен наследник. Твои придворные и так ненавидели меня за то, что я везде таскаюсь за тобой следом.

Серефин вздохнул. Он был так уверен, что корона никогда не перейдет к нему, что совсем не задумывался о своих обязанностях как будущего короля. Не то чтобы его сильно волновала проблема наследника. Не то чтобы его заботило мнение двора, но это было важно для Кацпера, который находился в уязвимом положении из-за своего невысокого статуса. Серефин в очередной раз задумался: не причинил ли он больше вреда, чем пользы, втянув Кацпера в придворную жизнь?

– Может быть, Транавии вообще больше не существует.

– Преувеличение масштабов катастрофы – отличный способ уклониться от ответственности, – сухо ответил Кацпер.

Серефин бросил на него косой взгляд и закрыл свой единственный глаз, потирая переносицу костяшками пальцев.

– Прости, – прошептал он, закрыв лицо руками, и его тут же пронзила острая боль. – Ох.

– Ты только что оправился после двухнедельной лихорадки, так что я не могу по-настоящему на тебя злиться. – Кацпер поцеловал его в щеку. – Думаю, нам обоим нужно подго-

товиться к этому разговору, чтобы яснее выразить свои чувства.

– Фу.

– Ну, тогда я оставлю тебя здесь. Вернусь в Транавию и сам стану королем.

Серефин усмехнулся:

– Это государственная измена.

– Ну что ж, значит, так тому и быть.

Шутки помогали Серефину расслабиться, и Кацпер прекрасно это знал. Он крепко сжал руку молодого короля.

– Что волнует тебя на самом деле? – мягко спросил Кацпер, и Серефин подумал, что это нечестный вопрос, потому что его волновало все.

Он волновался, что если – если, если, если – они доберутся до дома, их зарождающимся отношениям придет конец, по тем самым причинам, о которых говорил Кацпер. Он волновался, что Остия не выбралась из леса живой. Волновался, что весь этот путь был проделан напрасно. Волновался, что они умрут и ему так и не удастся по-настоящему узнать Кацпера.

– Думаешь, жрица говорила правду о Транавии? – спросил Серефин. Его пугала мысль о том, что магия крови исчезла, словно ее и не существовало.

– Не знаю, – ответил Кацпер, прищурившись, после долгой паузы, а затем поднял свою книгу заклинаний.

Он нахмурился и молча протянул ее Серефину, но тот тя-

жело сглотнул:

— Она твоя.

— Я... — Кацпер осекся. — Вроде все нормально, но... — он покачал головой, — что-то не так. Я не знаю, что с ней делать.

— Кацпер, ты прекрасно знаешь, как пользоваться магией.

Еще одна причина, по которой он боялся возвращаться в Транавию. Что заставило Кацпера позабыть о неотделимой части его существа? Почему Серефин все помнил? Почему его пощадили?

— Я понимаю, что чего-то не хватает, — Кацпер склонил голову набок. — Но не знаю, чего именно.

Транавия была построена на магии крови. Все транавийцы использовали мелкие заклинания в быту, и без них страна бы просто рухнула. Серефин не мог смириться с мыслью, что его дома, возможно, уже не существовало. Может быть, калязинские войска уже переходят границу, чтобы сравнять Транавию с землей.

Но разве он не должен попытаться спасти свою страну? После всего, что он уже сделал? Скорее всего, трон захватил Руминский, но Серефин мог без особого труда вернуть себе власть. Мятежный аристократ был всего лишь досадной помехой, и все его последователи, не задумываясь, перейдут на сторону законного короля, преследуя свои личные интересы. Придворная политика волновала Серефина меньше всего. Он боялся, что вслед за ним в Гражик придет нечто более опасное.

Серефин не видел в Калязине проблему. Как и в их собственных богах.

Но...

Что такое он освободил? Что наделал? Он не был настолько наивен, чтобы полагать, будто расплата за его поступки настигнет только Калязин. Серефин понимал, что не сможет просто вернуться домой и забыть о произошедшем, пока это королевство кошмаров будет гореть синим пламенем. Катя предупреждала, что, если один из старших богов пробудится ото сна, все окажутся в опасности, и Серефина скребло плохое предчувствие насчет того, кем на самом деле являлся второй бог, с которым он разговаривал. Он изгнал этот голос из своей головы, но это еще не значило, что его владелец больше не нес угрозы.

– Я не знаю, что мне делать, – сказал он.

– Я тоже, – признался Кацпер.

– Но ведь ты – мой голос рассудка!

– Честно говоря, сейчас я вовсе не чувствую себя рассудительным.

– Думаю, пока что нам не стоит возвращаться в Транавию, – сказал Серефин, борясь с желанием опустить голову и спрятать лицо в ладонях.

– Мы даже не знаем, кто из наших спутников сумел выжить и где они сейчас. Какие у нас есть варианты? Надя знает, что ты убил Малахию, и наверняка захочет отомстить...

– Она не станет этого делать.

– У тебя невероятно оптимистичный настрой, учитывая, что она была в него влюблена. И не стоит забывать о царевне.

Серефину нравилась Катя, и это настораживало, но, возможно, все дело было в его усталости. Он провел последние три года, убивая калязинцев, что тогда казалось ему совершенно справедливым. И, хотя война казалась несомненным оправданием его поступков, он хотел, чтобы она наконец закончилась. Вряд ли Серефин смог бы снова выйти на поле боя и сражаться с той же убежденностью, что и прежде. Одна упрямая калязинская клиричка и высокомерная царевна навсегда изменили его взгляд на эту войну, и он был благодарен им за это.

Но Транавия осталась совершенно беззащитной. Его это не устраивало. Он хотел мира, а не капитуляции. У него еще осталась гордость.

– Мы не знаем, жива ли Остия, – тихо сказал Серефин. Кацпер закрыл глаза, словно внутри него происходила какая-то борьба. – Я не могу оставить ее здесь.

– Конечно не можешь. За это она бы вырвала тебе второй глаз. Но если она не...

– Прекрати.

– Тебе нужно взглянуть правде в глаза.

– Нет. Нет. Ты, – он ткнул Кацпера в грудь указательным пальцем, – прошел через ад вместе со мной и Остией. Мы столько всего пережили, что какому-то проклятому лесу и кучке жалких богов нас не одолеть.

Кацпер поднял руку и переплел их пальцы, отчего сердце в груди Серефина предательски екнуло. Долгие недели Серефин находился в плену горячечного бреда, но теперь видел все кристально ясно.

– Мы ее найдем. А потом отправимся домой.

– Как ты собираешься искать ее, Сер?

– С помощью магии.

Кацпер затих. Серефина раздражал взгляд, застывший в темных глазах его возлюбленного: там светилось что-то, подозрительно похожее на жалость. Он схватил книгу заклинаний и раскрыл ее на случайной странице. Его сердце чуть не остановилось.

Знакомые слова превратились в нечитаемый шифр.

Серефина одновременно бросило в жар и в холод, будто его снова охватила сильнейшая лихорадка. Из груди вырвался прерывистый вдох, и Кацпер положил руку ему на плечо.

Он знал эти заклинания наизусть и работал с переплетчиком-подмастерьем, чтобы сшить все страницы воедино. Бедная девушка выглядела так, словно вот-вот упадет в обморок от перспективы написать несколько заклинаний для самого короля. А теперь он был не в состоянии прочесть ни одного из них.

Это просто не могло быть правдой.

– Что ж. Это странно, – сказал Серефин сдавленным голосом. – Почему я помню, как пользоваться магией, а ты – нет? – Он достал зителку и провел лезвием по своему пред-

плечью.

– Осторожно, – пробормотал Кацпер.

– Наверное, не очень разумно тратить кровь на случайное заклинание, – задумчиво произнес Серефин.

Он бросил на Кацпера успокаивающий взгляд и согнул руку, позволяя каплям крови упасть на страницы. Секунды превратились в минуты.

Беда, постигшая Транавию, не обошла стороной и ее короля.

Малахия Чехович

*«Кровь кипит под кожей. Зубы рвут плоть.
Этому нет конца. Это будет длиться вечно. Мы
ошиблись. Мы ошиблись. Мы ошиблись».*

Отрывок из дневника Своятовой Орьи Гореловой

Малахия очнулся в полной темноте. В первое мгновение его охватила паника. Только не опять, только не то же самое. Но в воздухе не было привкуса меди и ужаса. Он находился не в сырых глубинах Соляных пещер и не в комнате церковного смотрителя.

А еще... он был не один.

Дверь отворилась с тихим скрипом, и на него упал тонкий луч света. В ноздри ударила вонь горелой плоти, и Малахия не сразу понял, что этот запах исходит от него. Он отполз назад, опрокидывая коробки, внутри которых что-то дребезжало. Его тело не слушалось, и в конце концов он упал на пол — слишком слабый, чтобы бежать или защищаться. В комнату вошла фигура, скрытая длинным плащом. Незнакомый опустился на корточки и взял юношу за подбородок, рассматривая его лицо из тени капюшона. Малахии не нравилось,

что его так открыто изучали, словно какую-то диковину. Он злился на себя за то, что оказался таким слабым и уязвимым. Фигура пробормотала что-то на калязинском, но Малахия не смог разобрать ни слова и лишь озадаченно моргнул в ответ. Хотя он научился свободно говорить на этом языке, особенно после того, как Надя отказалась говорить на транавийском без крайней необходимости.

– Где я? – хрипло спросил он на своем родном языке.

Какая глупая ошибка.

Фигура схватила Малахию за горло, и он отключился, но наконец инстинкты взяли верх. Его зубы заострились, мир сузился, сходясь в одной точке, а когда из запястья появился железный шип, он бросился на загадочную фигуру, но та просто схватила за острый конец шипа и, не издав ни единого звука, обломала его под корень. Рука еще сильнее сжалась на горле Малахии, которого в следующее мгновение резко вытащили на свет.

Первое ощущение было, что он горит.

Малахия закашлялся, выплевывая кровь, и попробовал вырваться, чтобы отползти обратно в тень, но фигура крепко прижала его к полу. От постоянных изменений, через которые проходило его тело, рубашка давно превратилась в рваные лоскуты, а оголенная кожа шипела и пузырилась, как раскаленное масло. Наконец его приподняли и оттолкнули обратно во тьму. Малахия сразу же забился в угол, как раненое животное.

Очнувшись, он снова оказался в комнате церковного зрителя, с холодной печкой, которая все так же стояла в углу. К горлу подступила тошнота, и он выплюнул на пол сгусток желчи.

Обожженная кожа на его руке покрылась волдырями, и он стиснул зубы, шипя от боли. Свет пробивался сквозь разбитое окно, так что он осторожно отполз в сторону. Поразмыслив, Малахия нерешительно подставил пальцы под теплые солнечные лучи.

И тут же отдернул руку, зажмурил глаза от обжигающей боли и ужаса осознания. Он догадывался, что это значит. По его телу пробежала бесконтрольная волна хаоса.

«Больше нет Малахии Чеховича».

«Больше нет Малахии Чеховича».

«Больше нет Малахии Чеховича».

Ему нужно отсюда выбраться. Разобраться со своей новой... особенностью. Неужели тот сон был реальностью? Он был не один? Кровь и кости, он надеялся, что все-таки один.

«Ты никогда не одинок».

Малахия закрыл голову руками, а его дыхание стало болезненным и прерывистым. Если он останется здесь, его ждет верная смерть или что-то более страшное.

Он не привык к неопределенности. У него всегда был продуман следующий шаг, очередной план, новая цель, к которой нужно стремиться, даже если все вокруг горело синим пламенем. Он просто смахивал пепел со своего пути и про-

должал идти к величию.

Но теперь, развеяв пепел, он нашел лишь тьму. Малахия не хотел жить в темноте. Тьма всегда была его верным союзником, но она никогда ему не нравилась. Он с трудом поднялся на ноги, чтобы найти место, скрытое от солнечных лучей, где можно было бы спокойно дожидаться ночи. Малахия еще не решил, куда он направится, главное – подальше от этого места.

И если голос в его голове хотел смерти еще одного бога, Малахия мог бы воплотить это в жизнь. Но кто захватил его сознание? Какой бог пал так низко, чтобы связаться с еретиком?

«Твоя ересь и делает тебя таким подходящим союзником», – сказал голос.

Малахия поморщился. Значит, даже в своих мыслях он не был в безопасности. Это... не очень хорошо.

«Ересь – очень простое слово. Твое нежелание принять реальность делает тебя особенно интересным. Твоя сила, твой ум, твоя жестокость – все это я могу использовать в своих целях».

Для этого требовалось согласие Малахии. Надины боги не могли заставить свою клиричку исполнять их волю – только даровать ей силы.

«О, как мило», – в словах неведомого существа слышался вздох. И стон. И смерть, смерть, смерть.

В затылке Малахии вспыхнула острая боль, и ему при-

шлось опереться на стену, чтобы не упасть.

Вдруг он оказался на полу, всего в паре дюймов от полосы света. Его охватило непреодолимое желание придвинуться еще ближе, подставить свое лицо солнцу и сгореть.

«Я могу заставить тебя подчиняться. У тебя просто не останется другого выбора. Я не похож на этих самозванцев. Я – нечто большее, нечто великое».

Малахия тяжело сглотнул, а затем его тело обмякло и боль отступила. Наконец он отодвинулся подальше от света.

Серефин имел дело с калязинским богом, живущим у него в голове. Удалось ли ему разорвать эту связь? Смог ли он выжить? Малахия никак не мог решить, на что он надеялся. Может, этот мальчишка, король, его брат, был мертв. В таком случае, туда ему и дорога. Но что, если он выжил и при этом сумел освободиться от непостижимых сил, отравляющих его разум?

Нет, не так. Непостижимые – ошибочное определение. Ведь Малахия и сам был близок к этому состоянию. Всего в одном шаге от реальности, в бесконечной пустоте, ждал хаос, подвластный его воле. На самом деле, никто не мог по-настоящему контролировать хаос, но Малахия, будучи проводником, своеобразным сосудом, был способен направить эту разрушительную силу в нужное русло.

Он получил то, чего желал, но все пошло не по плану. Должно быть, он что-то упустил. Картина еще не сложилась полностью.

Стервятники. Ему нужно было вернуться к Стервятникам. Вернуться домой.

Для чего? С какой целью? Он даже не знал, сможет ли выбраться из леса. Древнее божество пожирало разум Малахии, и он не сопротивлялся, позволяя чудовищу подпитывать его безумие.

Малахия растерянно заморгал. Он находился не в церкви. Словно его разобрали на мелкие кусочки, развеяли их, а затем склеили воедино... где-то в другом месте.

На поляне.

Тихо выругавшись, Малахия медленно повернулся вокруг своей оси, чтобы оглядеться. Он уже бывал здесь вместе с Надей, но теперь поляна выглядела иначе. Сорок статуй, как и прежде, стояли в кольце. Каждая следующая выглядела еще более гротескно и странно, чем предыдущая.

Но раньше в центре не было алтаря. Или разбросанных по поляне костей, разбитых черепов и сломанных ребер. Или свежей крови, размазанной по камням пугающими узорами.

Темная гниль начала ползти вверх по основанию статуй, а из многочисленных каменных глаз и оскаленных ртов тянулись дорожки плесени. Одно из жутких изваяний полностью почернело. В прошлый раз эта фигура совершенно заворочила Надю. Значит, сгнившая статуя изображала Марженю.

«Хотел бы я, чтобы это место не пугало меня до безумия», – отрешенно подумал Малахия. На мгновение ему показалось, что от страха у него остановится сердце. Но, если

подумать, он уже был мертв.

«Многие умерли, многие умрут, многие умирают в этот самый момент. Ты далеко не такой особенный, как тебе кажется».

«Достаточно особенный, раз уж ты здесь, – обиженно огрызнулся Малахия и направился к алтарю, хотя это было явно не самое мудрое решение. – Очевидно, я тебе нужен».

Он взял в руки череп с трещиной на затылке. Судя по всему, этот человек умер от сильного удара по голове.

«Почему я? Да, я умен. Но меня точно нельзя назвать сговорчивым».

«В мире столько ничтожных и жалких смертных. Так почему бы мне не выбрать того, кто постоянно меняет ход истории, мало заботясь о своей или чужой жизни?»

Малахия поморщился. С этим доводом было сложно поспорить.

«Того, кто говорит себе, будто идет на эти жертвы ради великой цели, но на самом деле просто наслаждается страхом, хаосом и кровью».

Юноша рассеянно провел большим пальцем по черепу. Он ведь и в самом деле стремился к великой цели. Чем бы обернулись события последних месяцев, если бы он не вернулся к Стервятникам? Если бы... снова не солгал Наде?

Но ведь она лгала ему в ответ.

Малахия думал, что Надю интересует лишь происхождение ее магии. Почему он так решил? Может, потому что его

самого очень заботило собственное могущество?

В конце концов, она отняла у него самое дорогое. Сделала все возможное, чтобы его уничтожить, и сожгла все мосты. Это было справедливо, даже жестоко, и Малахия мог бы восхититься ее решительностью, если бы не разъедающая ярость.

«Ты ненавидишь ее за это?»

Вопрос застал Малахию врасплох. Ненавидел ли он Надю?

Да. Немного. Безумно. Очень сильно, но недостаточно. Он злился, что не сумел предугадать ее поступка. Злился, что она причинила ему боль, что он позволил себе стать таким уязвимым. Что позволил себе полюбить ее. Это задумывалось как игра. Малахия притворялся, разбавляя свою ложь каплей правды, чтобы Надя поверила и пошла у него на поводу, но в какой-то момент границы стерлись, и он забыл, что это все не по-настоящему.

Он бы хотел оставаться безразличным. Но ненависть горела слишком ярко, слишком близко, и ему было бы лучше забыть калязинскую девушку, которая все уничтожила. Если он увидит ее когда-нибудь снова, только безразличие позволит ему принести обманщице заслуженное возмездие.

Пока Малахия еще не решил, что будет лучше: проткнуть ее насквозь или...

Он не знал, каков был другой вариант. Позволить ей убить его? А ведь она наверняка попытается это сделать. Преда-

тельство за предательство – все справедливо. И этот проклятый цикл будет продолжаться вечно. Вот почему война между их народами не прекращалась десятилетиями. Так было всегда, и так будет впредь.

Перемены, за которые он боролся, никогда не произойдут. Все его старания были обречены с самого начала.

«Да», – радостно подтвердил голос.

Малахия чуть не закатил глаза. Он вернул череп обратно на алтарь с большой осторожностью, хоть и сам не понимал почему.

«Думаешь, что твои напоминания об очевидных вещах превратят меня в существо, подобное тем, против которых я боролся всю свою жизнь? Ты же вроде как бог, так и веди себя соответственно», – он понимал, что взывать к чувствам невидимого существа совершенно бесполезно. Бог просто подтрунивал над ним.

Тело Малахии вновь начало меняться, и он, вздрогнув от внезапной судороги, зажмурился, так как это помогало облегчить неприятные ощущения, когда на коже начинали открываться новые глаза. К этому невозможно было привыкнуть и при этом сохранить хотя бы каплю человечности, с которой он так отчаянно не хотел расставаться.

Может быть, он ненавидел Надю, а может – самого себя, потому что просто не мог злиться на нее по-настоящему. Он понимал, что никогда не сможет отплатить ей за все, что она для него сделала. Малахия просчитался с заклинанием,

и оно завело его дальше, чем он ожидал. Если бы Надя не спустилась в Соляные пещеры, если бы не вернула ему некое подобие человечности, он бы все еще оставался там, внизу. Он бы навсегда потерялся в своем безумии.

Малахия вспомнил, что творил в этом состоянии. Покидая пещеры, он отправлялся на поле боя и рвал врагов на части, лишь укрепляя образ кровожадных транавийцев в сознании калязинского народа. Но эти воспоминания не вызывали в нем ни капли сожаления. Надя была особенной, только это не означало, что и другие калязинцы заслуживали пощады.

«Это то, чего ты хочешь? Хорошо. В эту игру можно играть до тех пор, пока ты не поймешь, что со мной бесполезно бороться. Если мне придется тебя сломать, так тому и быть».

Малахия не успел возразить, что он уже и так сломан, потому что в этот момент по его телу прокатилась внезапная конвульсия.

Вокруг царили темнота и холод, но он знал их, потому что уже бывал здесь, в другое время, при других обстоятельствах. Только все его воспоминания стерлись: так хотели Стервятники. Они хотели, чтобы сознание детей было чистым листом, а их тела – сосудами для магии, которая смешается с их кровью. Процесс создания Стервятников держался в строжайшей тайне, но разве можно утаить что-то от Черного Стервятника? Он знал, что сопротивляться бесполезно.

Агония, обжигающий жар, который переходил в холод слишком быстро, слишком сильно, кипение и обожженная плоть, кусок льда, плотно прижатый к коже. Бесконечный процесс, повторяющийся по кругу до тех пор, пока не наступит критический момент. Точка невозврата. В конце концов, все ломались под пытками.

Кости ломались, разбивались и снова соединялись, чтобы стать прочнее железа, тверже стали и острыми, словно лезвие. Одно неверное движение могло рассечь плоть, но это только пока они не приспособятся, пока не научатся контролировать то, чем стали.

Крещение темной магией, холодным железом и кровью.

Но Малахия давно покинул то место; он стал чем-то большим, чем-то великим. Или все-таки нет. Не совсем. Он все еще был тем мальчиком, растерянным, испуганным и неуверенным, но теперь в его распоряжении оказалась огромная сила, которую можно было извратить и направить против него самого.

Его позвоночник хрустнул. Тяжесть крыльев давила на плечи, и он пытался остановить изменения, ведь когда-то мог их контролировать. Когда-то он мог подчинить их своей воле. Почему теперь все было иначе? Его ноги изогнулись, а сквозь кожу начали прорываться железные шипы. Постепенно он начал терять сознание. С каждой секундой он все больше и больше терял остатки своей человечности.

Серефин Мелески

«Брат и сестра, выросшие в заброшенном монастыре посреди глухого леса, Своятов Климент и Своятова Фрося Лещуковы, проникли в ряды транавийских солдат, но были пойманы и замучены еретиками».

Житие святых Васильева

Серефин не мог понять, как они попали на юг. Он помнил практически все, что происходило после того, как они вышли из леса. Да, события нескольких дней были затуманены лихорадкой, но когда они успели уйти так далеко?

– Лес выплюнул нас близко к своей границе, – объяснил Кацпер и пожал плечами, давая понять, что не собирается размышлять на эту тему и просто благодарен за то, что лес вообще позволил им уйти живыми.

Но Серефин хотел разобраться в произошедшем. Многое изменилось, а кое-что осталось прежним. Ему казалось, что он просто отсрочил неизбежное. Вырвав свой глаз, он, возможно, разорвал связь с безымянным голосом, но что насчет Велеса?

«Это правда. Твой поступок привел меня в замешатель-

ство».

Серефин старался не реагировать на возвращение этого пронзительного голоса, который он так ненавидел. Как и прежде, по его телу пробежала дрожь.

«Неужели от тебя никак нельзя избавиться?»

Он сделал все возможное, только этого оказалось недостаточно. Его все еще преследовало всезнающее калязинское божество.

«О нет, ты преуспел. Связи оборваны, контроль потерян – все это и даже больше. Ты свободен, маленький транави-ец! Но те, кто хоть раз услышал мой голос, будут слышать его до самой смерти».

Это немного успокоило Серефина. Все могло быть намного хуже, и, тем не менее, сложившаяся ситуация вряд ли походила на идеальную.

«Больше никаких видений?»

«Никаких видений. Разве они тебе не нравились? Мне казалось, это забавно. Я так долго скучал один, в полной темноте. Жаль, что ты не захотел принимать участия в моих играх. Знаешь, совсем не обязательно было вырывать себе глаз».

Серефин не разделял этого мнения. Он не хотел подчиняться воле бога, который мог физически контролировать его тело, как Чирног, или извратить его разум и протащить через весь континент, как Велес. Он отказывался жить по прихоти каких-либо богов. И, пусть у него остался всего

один глаз, оно того стоило.

«Что тут сказать, Чирног... он такой, какой есть».

Серефин вздрогнул, услышав это имя. Он не хотел вспоминать, каково это – терять контроль над собой.

«Но ведь ты не можешь делать так же, как он?»

«О нет, больше не могу. Да и не хочу! Разве я не само очарование?»

«Он заставил меня убить моего брата».

«Ты и так собирался это сделать», – заметил Велес.

Серефин с трудом удержался от того, чтобы не вздрогнуть. Да, он планировал убить Малахию. Его брат был непредсказуемым и не внушал доверия, поэтому кто-то должен был разобраться с ним раз и навсегда. Но на самом деле Серефин не хотел решать этот вопрос таким способом. Он и так потерял слишком много. Мало того что на его руках была кровь отца, теперь он запятнал себя еще и кровью своего брата.

Как ему жить с этим?

Как он будет смотреть в глаза своей матери, если, конечно, доберется до Транавии?

Серефин не знал, как рассказать, что сын, которого она потеряла из-за Стервятников, мог вернуться к ней. Малахия стоял перед ним на вершине горы, испуганный, залитый слезами и готовый вернуться домой. И Серефин убил его. Он не мог признаться в этом своей матери. Он едва мог признаться в этом самому себе. Может быть, со смертью Малахии в

мир вернулся хоть какой-то порядок, но этого было недостаточно, чтобы облегчить терзания Серефина. Даже осознание того, что Малахия приложил руку к его смерти, не помогало избавиться от чувства вины.

– Серефин?

Он чуть не подпрыгнул от неожиданности.

– Что?

Кацпер окинул его внимательным взглядом, стараясь казаться расслабленным и беспечным, но ему плохо давалось притворство. Он волновался.

– Мне не нравится, когда ты вот так затихаешь, – сказал он, покачив головой.

Серефин огляделся, понимая, что вокруг действительно очень тихо. На дороге не было ни души. Они могли бы углубиться в лес, окружавший их с обеих сторон, но Серефину хватило лесов на ближайшее десять лет.

– Прости, – сказал Серефин, слабо улыбаясь Кацперу. – Теперь я буду болтать без остановки.

– Подожди, это не то...

– Я могу начать беседу на любую тему. При дворе всегда говорили, что я пугающе остроумен.

– Думаю, это был не комплимент...

– А еще в моей памяти хранится потрясающая коллекция пошлых частушек.

– Пожалуйста, больше никогда не произноси словосочетание «пошлые частушки» при мне.

– Кроме этого, у меня в арсенале есть множество невероятных шуток, но должен предупредить, что большинство из них я узнал от лейтенанта Винарски, когда мне было шестнадцать лет.

Кацпер с сомнением посмотрел на Серефина:

– Разве он не...

– Находился в крайне неустойчивом эмоциональном и психическом состоянии? Да. Я не говорил, что это хорошие шутки.

Губы Кацпера расплылись в усталой улыбке. Серефин не собирался портить момент, признавшись, что Велес так никуда и не исчез. Какая нелепость: король Транавии разговаривает с калязинским богом.

«Я не просто бог».

«Ох, заткнись».

Серефину нужно было придумать, как скрыть свои мысли, чтобы Велес не подавал голос каждые несколько минут. По крайней мере, он разорвал более опасную связь, а значит, страдал не напрасно. Какое облегчение.

– Я тут подумал, – мягко сказал Серефин. – Нам придется найти способ незаметно пробраться в Гражик, чтобы Руминский ни о чем не узнал, – ему не нравилось лгать Кацперу, но ведь такой план мог прийти ему в голову, верно?

– Жаль, что нам не удалось освободить Жанетту, – задумчиво ответил Кацпер.

Серефин разделял его сожаления, но прошлого было не

изменить. На самом деле, он сомневался, что ее возвращение могло хоть что-то изменить. Если Малахия говорил правду, Жанетте требовалось время, чтобы привыкнуть к своему новому телу. Он не знал, каким образом из людей делают Стервятников, но, казалось, что его брат был честен. По крайней мере, в тот раз.

Внезапно Серефин споткнулся о небольшую яму, которая, как ему казалось, находилась в нескольких шагах. В последний момент Кацпер поймал его за руку и удержал своего короля на ногах. Серефин понимал, что рано или поздно привыкнет к новому восприятию расстояния и глубины, но сейчас он чувствовал себя абсолютно бесполезным.

– Осторожно, – пробормотал Кацпер, не убирая руки.

Серефин замер, когда ладонь Кацпера скользнула вниз, а их пальцы переплелись между собой. Как будто все было в порядке и мир не погрузился в хаос.

В лесу раздался хруст, слишком громкий для обычного животного. Серефин тихо выругался и отпустил руку Кацпера, инстинктивно потянувшись за своей книгой заклинаний.

Спутники обменялись многозначительными взглядами.

Еще недавно их считали самыми опасными магами Транавии, но сейчас они были обычными мальчишками, бредущими по дороге вражеского королевства. Король и его лейтенант. Легкая добыча.

И что за существа пробудились в Калязине? Малахия разрушил стену, отделяющую проклятый лес от того жуткого

места, скрытого в его чаще. Кого они освободили? Что произошло на той горе?

Серефин хотел свалить всю вину на Надю и Малахию, но ведь он тоже приложил к этому руку.

«Ты всего лишь следовал моим приказам», – раздраженно сказал Велес.

Серефин не снизошел до ответа. Может, он и действовал по принуждению, но ему хотелось думать иначе.

Еще один хруст в тени деревьев. Кто-то двигался в сторону дороги.

Рука Серефина упала с книги заклинаний, и он жестом показал Кацперу, что все в порядке. Возможно, они имели дело со смертными противниками.

«А ты не можешь помочь?»

«О нет, у тебя был шанс, но ты отказался мне подчиниться. Я ничего не могу сделать, и это твоя вина».

Серефин вздохнул. Он сделал все возможное, чтобы избавиться от влияния бога, и теперь, когда бог наконец оставил его в покое, было бы странно обижаться на отказ в помощи.

И все же Велес мог хотя бы сказать, с кем они имеют дело.
– Бросайте оружие, – из-за деревьев раздался молодой голос. Нахмурившись, Серефин посмотрел на Кацпера. Тот молча пожал плечами, но немного расслабился.

Серефин бросил зителку в грязь, взглядом призывая Кацпера сделать то же самое. Лейтенант скривился, но все же последовал его примеру.

– И это все? Не может быть.

– Уверяю тебя, дорогая, – сказал Серефин, даже не стараясь скрыть свой транавийский акцент. – Это все оружие, что у нас есть.

Из леса вышла девушка – примерно того же возраста, что и Серефин, – с бледной кожей и короткостриженными светлыми волосами. Она не стала полностью натягивать свой лук, но кончик стрелы нацелила прямо на горло Серефина.

– Деньги. Их тоже на землю.

– Ты будешь очень разочарована, – пробормотал Кацпер, драматично бросая практически пустой мешочек с монетами к зителке Серефина.

Значит, все это время их преследовали обычные грабители с большой дороги. Было неприятно терять деньги и оружие, но даже без них можно выжить.

Девушка указала на Серефина кончиком стрелы, и он пожал плечами:

– У меня больше ничего нет. Ты одна?

Грабительница подняла бровь. На ней была туника невыразительного серого цвета с обтрепанными краями и прорехой на воротах. Ее плащ и обтягивающие штаны испещряли дырки, а подошвы ботинок выглядели так, словно вот-вот отвалятся.

– Нам больше нечего...

– Твое кольцо, – сказала она, глядя на мизинец Серефина, и Кацпер напрягся. Рука юного короля сжалась в кулак.

Кольцо с печаткой было одной из немногих вещей, что у него остались. Только оно все еще напоминало о его титуле, так как кованая железная корона потерялась в проклятом лесу.

Девушка понятия не имела, о чем просит, но благодаря реакции Серефина поняла, что кольцо имеет для него ценность.

Она улыбнулась:

– Снимай его.

– Боюсь, нам придется прийти к другому соглашению, – сказал Серефин.

Незнакомка отвела руку, натягивая тетиву. С такого расстояния она могла пробить ему горло, даже не будучи хорошим стрелком, а он не очень-то хотел умереть, захлебнувшись собственной кровью.

Но она была одна. Серефин мог бы с ней справиться. До этого момента мотыльки, порхавшие вокруг его головы, оставались практически незаметными, но теперь, когда он заметно напрягся, они взвились в воздух беспокойным роем.

Девушка отпрыгнула назад, и на Серефина с Кацпером нацелилось более дюжины стрел. Подельники юной воровки наконец дали о себе знать. Серефин вздохнул, поднимая руки.

– Я не буду просить второй раз, – предупредила лучница.

– И хорошо, потому что я все-равно откажусь, – весело ответил Серефин, чувствуя, как по его спине стекает пот.

Он еще не придумал, как выпутаться из этой ситуации. До

леса – до Калязина – он бы с легкостью разобрался с нападающими с помощью магии крови, выхватив лук из рук этой девицы и уйдя с ее деньгами, но теперь ему придется полагаться только на собственную хитрость. Какие слова могли бы заставить ее опустить оружие? Судя по внешнему виду девушки, она голодала большую часть этой долгой зимы.

– Возьми деньги и оружие, – сказал он более серьезным тоном. – Кольцо ничего не стоит. Это обычная железка.

Ее взгляд метнулся к руке Серефина. Кажется, его слова не убедили девушку, но отчего-то она улыбнулась.

– Возьмите их, – сказала грабительница. – Они нам еще пригодятся.

– Подожди, нет, я не... – но прежде, чем Серефин смог закончить, что-то острое укололо его в шею.

Он упал на землю без сознания.

Серефин очнулся с привкусом крови во рту и гудящей головой. Его одежда промокла насквозь, и он продрог от холода. Не успев собраться с мыслями, он инстинктивно открыл глаз, но тут же пожалел об этом и снова притворился спящим.

Они столько времени бродили по Калязину, но именно сейчас их решили похитить обычные бандиты? Эта история могла бы показаться забавной, не будь такой чертовски грустной.

Веревки на его лодыжках и запястьях стягивали их слиш-

ком туго, а конечности стали ватными от недостатка кровообращения. Неудобно, но вполне терпимо. Серефин с облегчением почувствовал тяжесть железного кольца на мизинце. Если девушка была в таком отчаянии, то почему не сняла печатку с его пальца?

С другой стороны, если бы она пребывала в таком уж отчаянии, Серефин был бы уже мертв, а не валялся бы на снегу, связанный и промокший.

Он попытался сесть, чтобы поскорее покончить с этим, но, услышав тихий шепот, решил переждать.

Но чем дольше он слушал, тем больше разочаровывался. Болтовня оказалась совершенно бесполезной. Одна из девушек жаловалась, что скучает по возлюбленной, которая осталась дома, в их деревне, а остальные нещадно подтрунивали над ней. Серефин мысленно вздохнул. А ведь он боялся, что их схватили калязинские разведчики. Нет, они попали в руки простых воров, которые хотели быстро заработать пару монет, обокрав двух юношей на пустой дороге.

Хотя это не объясняло, почему их взяли живыми.

Он приоткрыл глаз. Еще не стемнело.

– В Доврыбинске мы могли проводить вечера за сплетнями, как старые кумушки, – сказала девушка, которая ему угрожала, – но, если вы будете продолжать в том же духе, весь лес обрушится на наши головы. Не забывайте, что мы на земле кашивхесе.

– Земля кашивхесе, – насмешливо повторил один из мужчин. – Как же ты любишь детские сказки, Оля.

– Ну, тогда я не буду обходить твою палатку с молитвой, – отрезала она. – Сегодня ты обойдешься без благословения. Я вообще не уверена, что они тебе помогут, ведь благословения – не мухи и не липнут ко всякому дерьму.

Вся компания разразилась смехом, и Серефин невольно занервничал. Он знал, насколько опасными могут быть эти леса, и ему бы не хотелось, чтобы striczki, эти кровопийцы, застали его врасплох, пока он валяется на земле, связанный по рукам и ногам.

– Мне казалось, я сказала Цезарю отнести транавийцев в палатку, – в голосе Оли смешались усталость, раздражение и отвращение. Серефин был впечатлен.

– Чем это они заслужили кров над головами? – спросила какая-то женщина.

– Я просто не хочу, чтобы они умерли, – устало ответила Оля. – Бледный парень выглядит так, словно вот-вот отдаст концы. Отнесите их в палатку. Бабка Жиковня решит, что с ними делать.

Кто-то сплюнул на землю, а затем раздался резкий шлепок. Судя по всему, Оля ударила плевавшего.

– Я пришел сюда не для того, чтобы заниматься вашими ведьмовскими делами, – сказал мужчина.

– Тогда возвращайся в свою голодающую деревню, Степан, мне плевать, – огрызнулась Оля. – Отнеси их внутрь.

Размышляя, Серефин прикусил внутреннюю часть нижней губы. Он мог бы прокусить ее до крови и...

Ничего бы не случилось. Он думал, как маг крови, и это было совершенно бесполезно. Серефину казалось, что в нем еще осталось немного силы, но, возможно, это была заслуга Велеса. Ему не хотелось полагаться на помощь калязинского бога.

«А если у тебя не будет другого выбора?» – язвительно поинтересовался Велес.

И почему он не исчез, когда Серефин вырвал себе глаз?

«Потому что это оборвало лишь твою связь с Чирногом. А я завладел тобой совсем другим способом, так что твой опрометчивый поступок подействовал на меня в гораздо меньшей степени. Ничего, я не в обиде. В конце концов, я получил то, чего хотел».

«И чего же ты хотел?» – не выдержал Серефин.

Велес хотел разбудить других падших богов, чтобы отомстить своим обидчикам, но что это значило?

«Ты хотел смерти той богини?»

«Я не буду по ней тосковать. Правда, я ожидал, что лично приму участие в ее смерти. Кто же знал, что Стервятник убьет ее вместо меня».

«Ты можешь чувствовать тоску?»

«Нет».

Серефин повел плечами, стараясь хотя бы немного снять напряжение.

«Мои желания просты, и ты, так или иначе, воплотил их в жизнь. Я был изгнан вместе с другими, подобными мне, и хотел это исправить. Хотел отомстить Маржене, и вот, она мертва».

«А что насчет Чирнога?»

«Не могу сказать, что у нас общие цели».

По телу Серефина пробежала дрожь.

«Чего он хочет?»

«Смерти солнца. Конца мира. Обновления».

Серефин еще сильнее прижал голову к земле. Что он наделал?

Но разве боги не могли действовать без вмешательства смертных? Может быть, еще не все потеряно. Может быть, Чирног так и не нашел человека, готового исполнять его волю. Серефин надеялся на это всей душой.

Он хотел вернуться домой, но бежать было бесполезно. Ему не скрыться от последствий своих же поступков. Эти проблемы не ограничивались территорией Калязина: еще раньше они обрушатся на Транавию – страну еретиков.

«Я так тобой горжусь. Ты наконец-то начал соображать!»

«Все это – твоя вина», – мрачно подумал Серефин.

«Я хотел свободы для себя и наказания для Маржени. Теперь у меня есть и то, и другое. Я просто устроюсь поудобнее и буду наблюдать за тем, как рушится мир».

Серефин нахмурился.

«Но как же видения? Что насчет пепла, крови и... и...»

«Огня?»

«Мне казалось, что это предупреждение».

«Возможно. Предупреждение о неизбежном».

Серефин отступил, воздвигнув невидимую стену между собой и говорливым божеством. Велес приветствовал надвигающийся хаос, и было бы глупо доверять его наставлениям: скорее всего, они вели к катастрофе. Серефин не сомневался, что все еще можно исправить, но не собирался обсуждать это с богом.

Он не знал, какие напасти несут падшие боги, но полагал, что совсем скоро все станет очевидно. Если, конечно, он переживет эту стычку с грабителями.

Если богов можно освободить, это означало, что их можно и связать. Что, если бы их можно было отправить обратно под замок? Калязинцам наверняка не понравится эта идея, но совсем скоро их драгоценные боги обернутся против них, и тогда этот набожный народ изменит свое мнение.

Хотя не стоило ожидать, что все они окажутся такими же рассудительными, как Надя.

Наконец Оля подошла к своему пленнику и ослабила веревки на его запястьях.

– У тебя уже нет глаза, – сказала она. – Не буду лишать тебя еще и обеих рук.

– Чтобы я смог прикрыть лицо, когда ты замахнешься на меня кинжалом? – весело спросил Серефин.

– Если бы я хотела, ты бы уже был мертв, – сухо ответила она, возвращаясь к своим товарищам.

Серефину удалось переместиться в сидячее положение и подвинуться ближе к Кацперу, который смотрел на него с неприкрытым недоумением.

– У тебя определенно есть типаж, – заметил он.

– Мне уже не нравится этот разговор.

– Тебе нравятся девушки, которые хотят – и могут – тебя убить.

– А еще симпатичные парни, которые добры ко мне, – закончил Серефин. – И которые тоже хотели бы меня убить.

Кацпер задумчиво хмыкнул, словно не мог поверить своим ушам, но все-таки усмехнулся:

– Моя жизнь стала бы намного проще с твоей смертью.

– Разве тебе можно говорить такое о своем кор...

Кацпер со всей силы ткнул его локтем, и Серефин закашлялся.

– Разве тебе можно так делать?

– Очень надеюсь, что да, – пробормотал Кацпер. На мгновение его лицо исказилось от волнения. – Ведь можно?

– Конечно, – Серефин прижался к плечу своего лейтенанта и опустил голову, чтобы поцеловать его в шею. – Ты можешь делать все, что угодно. В разумных пределах.

– Вот как?

– Никаких военных переворотов.

– Я попытаюсь сдержаться, но ничего не обещаю.

Серефин тихо рассмеялся.

– Ты будешь хорошим королем, – Кацпер произнес последнюю фразу еле слышным шепотом, и Серефин не был уверен, что эти слова предназначались для его ушей.

К его щекам прилил жар. Он не разделял уверенности Кацпера. Даже будучи принцем, он никогда не думал о троне. Наоборот, с юных лет он знал, что ему суждено погибнуть на поле боя, где-нибудь в Калязине.

– Надеюсь, – тихо ответил Серефин. Ему оставалось лишь ухватиться за тонкую нить надежды. Может, он все-таки не погибнет во вражеском королевстве. Возможно, ему удастся вытащить свою страну из той передраги, в которой они оказались. Во многом по его же вине.

Сумерки окутали темные деревья странным, тусклым светом, и у Серефина возникло ужасное чувство, что их снова затащили в лес, из которого они недавно сбежали. Он чувствовал, как тьма вгрызается в его плоть, а неведомая, великая сила снова пытается разорвать его на части.

– Оля, посмотри на это, – позвала одна из грабителей. Держа в руках факел, она хмуро осматривала ствол дерева.

Оля с раздражением поднялась на ноги, но ее выражение лица изменилось, как только она присмотрелась к дереву.

– Держитесь от него подальше, – предупредила она. – Это не к добру.

– Почему? – спросила девушка, на что Оля только покачала головой.

– Если ты притащила нас сюда только для того, чтобы нас сожрала ведьмовская магия... – проворчал один из мужчин.

– Заткнись, Степан, – огрызнулась Оля, но в ее голосе прозвучали нотки легкого испуга. Серефин с Кацпером обменялись недоуменными взглядами.

Оля резко обернулась, и ее взгляд остановился на транавийцах. Прищурившись, она жестом подозвала ближайшего калязинца, который поднял Серефина на ноги и подтолкнул его в направлении дерева.

– Совсем не обязательно меня лапать, – запротестовал Серефин. – Сначала купи мне выпить.

Но его сердце ушло в пятки, когда он увидел, что так обеспокоило Олю.

Что-то пожирало деревья заживо. Черная плесень расплзалась по коре, проникая все глубже. Серефин вгляделся в эту черноту, и вдруг его охватило внезапное желание погрузить в нее руку. В этот момент он был даже благодарен, что связан.

– Ты не видела таких деревьев по дороге сюда? – спросила Оля, обращаясь к девушке.

Та покачала головой, не сводя глаз с Серефина.

– Не понимаю, зачем ты мне это показываешь, – невозмутимо сказал он.

– Ты маг крови, благословленный богами, – прямо ответила Оля, глядя на его глаз.

Серефин замер, чувствуя, как сжимается его желудок, а

пальцы дрогнули от непреодолимого желания прикрыть лицо руками.

– Развяжи меня, – попросил он.

– Ты считаешь меня дурой?

Он так не думал. На самом деле, он начал догадываться, что Оля – не простая воровка. Серефин так устал от властных калязинских девушек, одаренных магией.

– Ну и как я должен... – он не успел договорить, потому что среди деревьев раздались крики, и их окружила какофония жутких визгов.

На землю с глухим стуком упала огромная черная птица. Еще несколько секунд она билась в агонии, прежде чем смерть оборвала ее крики.

Серефин тяжело сглотнул, переводя взгляд наверх, где на ветвях деревьев сидели сотни таких же.

Они кричали, разинув черные клювы

В ту ночь их группа потеряла чуть ли не половину людей. Они часами спорили о едкой плесени и умирающих птицах. Оля устало объясняла остальным, что они находятся на приличном расстоянии от Тачилвника, поэтому ужасы проклятого леса не могли проникнуть так далеко.

Серефин не спешил переубеждать своих похитителей. Вокруг них витала древняя магия, ненасытная и безумная. Она кусалась и царапалась, завывая от голода.

Серефин придвинулся к Кацперу, положил голову ему на

плечо и прислушался к спорам. Большая часть грабителей покинула лагерь, жалуясь на темную магию и транавийских демонов, с которыми никогда не стоит иметь дела, даже если они связаны по рукам и ногам. Осталось всего несколько человек: девочка, старик и мальчик, примерно того же возраста, что и Серефин. Мрачный и дерганый парнишка чем-то напоминал Малахию. Происходящая чертовщина вызывала у него какой-то болезненный восторг, и это навевало некоторые опасения. Оля же воспринимала его энтузиазм с усталым терпением, словно уже привыкла к такому поведению.

– Ведьмы сумеют все объяснить, – только и сказала она.

– Это не ведьмовская магия, – настаивал мальчишка. Судя по виду, он был родом из самых северных земель Калязина: прямые черные волосы, завязанные в хвост, и узкие темные глаза, скрытые за непослушными прядями, которые падали ему на лицо.

Серефин слегка наклонил голову, чтобы взглянуть на Кацпера.

Оля присела на корточки, тыча палкой в мертвую птицу.

– Это не магия крови, – сказала она, глядя на своих транавийских пленников.

Серефин поежился. Он старался не думать про жуткие крики, которые все еще звенели у него в голове.

Чирног исчез, но Серефин не чувствовал облегчения. Он не знал, куда делся этот жестокий бог, и, пока его сны будут наполнены огромными дверями, из-за которых на волю

рвутся чьи-то руки с острыми когтями, ничто не могло принести ему желанного покоя.

– Ведьмы знают, что происходит, – сказал Оля. – Они должны знать.

– Так этих ведьм много? – тихо спросил Кацпер.

Серефин покачал головой:

– Это не худшая ситуация, в которой мы могли бы оказаться.

Он чувствовал недоверие Кацпера, но не хотел объясняться в присутствии калязинцев.

– Магия, – прошептал он.

Кацпер закатил глаза.

– Из-за магии мы попали в эту передрагу.

– Значит, она же нас и спасет.

Надежда Лаптева

«Маржесня молчала. Я резала свои ладони. Пропликала кровь на ее алтари. Рыдала. Но никакого ответа. Ей нет до нас дела. Она позволит этому миру сгореть дотла».

Отрывок из дневника Софьи Грешневой

Надя стояла на крыльце фермерского дома, поражаясь царящему вокруг холоду. С другой стороны, чего она ожидала от калязинской погоды? Ничего не изменилось. Что происходило после смерти – или, вернее сказать, убийства – бога? Маржесня повелевала магией, зимой и смертью. Что будет с ними? Изменения затронут только Калязин или весь мир? Какой властью на самом деле обладали боги?

У Нади не было ответов, и она уже начала задумываться: может, ей просто перестать их искать? Вот из-за чего она оказалась в таком положении. Если бы она не отправилась в Гражик, а поехала в Комязалов вместе с Анной, все сложилось бы иначе? Может, тогда у нее не было бы такого страха перед столицей. Холодные мурашки не бежали бы по ее спине при одной мысли о Церкви и матриархе.

Надя никогда не встречалась с матриархом Магдаленой

Федосеевой – главой Церкви и вестницей богов, через которую они обращались к людям теперь, когда в мире больше не осталось клириков. Хотя, может быть, Надя уже видела Магдалену. Еще маленькой девочкой, в Комязалове, но это было так давно, что все воспоминания поблекли. Если и так, это вряд ли можно было назвать настоящей встречей. Но Церковь столько лет утаивала от нее правду. Они боялись ее. Надя подозревала, что все ниточки тянулись к матриарху.

Знала ли она, что натворила последняя клиричка Калязина? Что Маржениа мертва?

Наде не хотелось этого знать.

Девушка не пыталась убежать, хотя такая мысль все же пришла ей в голову, когда она покинула деревню и отправилась бродить по лесу. С одной стороны, она обещала себе, что ее нога больше не ступит ни в один лес, но с другой – это было единственное место, где ее никто не потревожит. Где никто не будет пялиться на ее руку и задавать глупые вопросы. Она хотела проверить одну теорию.

Надя не знала наверняка, сколько падших богов освободились из своих темниц. Катя, хорошо осведомленная о забытых богах и древней магии, предлагала слишком расплывчатые ответы, давая понять, что тоже ничего не знает. Надю это вполне устраивало, и она не спешила делиться своими догадками. Царевна и так имела слишком большую власть над бывшей клиричкой, так зачем давать ей в руки еще больше карт? Надя и сама прекрасно знала о своих ошибках. С

тех пор как она сбежала из монастыря, список ее преступлений рос день ото дня.

Она не доверяла Кате. Может, это было жестоко с ее стороны, но царица изучала оккультизм и охотилась на Стервятников, а Надя, благословленная богами, начала заигрывать с темной магией и в итоге привела худшего из Стервятников – своего возлюбленного – прямо к божественному престолу. Для Кати ее намерения не имели значения, и царица винила Надю в смерти Маржени, ведь она позволила Малахии нанести удар.

Но только Катя могла рассказать ей о том, сколько еще богов существовало за пределами традиционного пантеона. Неприятная мысль. Ледяной порыв ветра пронесся мимо, закружив опавшие листья, и Надя провела рукой по четкам. Теперь они были бесполезны. Простое деревянное ожерелье. В нем не осталось ничего ценного, кроме воспоминаний. Поддавшись своим горьким мыслям, она всерьез задумалась о том, что ей не стоит возвращаться обратно.

Что, если она просто пойдет дальше? Мимо Комязалова, через дальнюю западную границу, в Ческе Зин или Руменвач. Туда, где никто не будет знать о ее прошлом. Туда, где у ее богов будут другие имена и лица и ей больше не придется вспоминать, что когда-то она могла говорить с ними, но все равно не исполнила своего предназначения.

– А, вот и ты.

Голос раздался совсем близко, и Надя вздрогнула от

неожиданности. На гнилом пне сидела фигура, закутанная в черное: с волосами, похожими на болотную тину, болезненно-желтой кожей, тонкими губами и большими, темными и невероятно печальными глазами.

– Любица, – сказала Надя.

– Привет, маленькая клиричка, – падшая богиня ухмыльнулась, обнажая острые зубы, совсем как у ядовитой рыбы.

– Я больше не клирик.

– Не клирик, не ведьма, не богиня и не смертная, – Любица закатила глаза. – Что же ты такое?

– Я не буду играть в эти игры.

– Зануда!

Надя сжала губы. Она пришла сюда, чтобы попробовать связаться с одним из падших богов, но теперь ей стало ясно: это еще одна импульсивная ошибка, которую можно добавить к ее коллекции провалов. Которая еще глубже затянет ее в этот кошмар. Больше всего на свете Надя хотела сбежать. Проснуться. Она хотела, чтобы Малахия и Марженя были живы, но ее желания не имели значения.

Она прошла мимо пня Любицы. Богиня раздраженно фыркнула и двинулась следом, хрустя сухими листьями.

«Кто бы мог подумать, что у бога такие тяжелые шаги», – отстраненно подумала Надя. Она понятия не имела, чему покровительствует Любица, не знала, почему вообще может ее видеть. Все это было неправильно.

– Ты приняла форму смертного, – наконец произнесла На-

дя.

– Тебе нравится? Я так привыкла к этому обличию. Но могу измениться, если это заставит тебя со мной разговаривать. – Краем глаза Надя заметила, как фигура меняет свои черты: светлые волосы, веснушки и красные губы. – Не пойдет? – Любица закружилась по дороге, вынуждая девушку остановиться.

Надя громко ахнула, и ее сердце чуть не замерло, потому что теперь фигура стала выше, тоньше и бледнее. Длинные темные волосы обрамляли острые черты.

– Не смей, – прошептала Надя.

– Он истек кровью на той горе. Мы все знаем, чем он был.

Слезы обожгли Надины глаза. Она не хотела плакать. Только не здесь. Не по нему.

Не меняя лица, Любица довольно ухмыльнулась, и Надя не смогла сдержать всхлип. Оттолкнув богиню, она бросилась дальше по дороге.

– Твои слезы – это то, что мне нужно, – сказала Любица с блаженным вздохом. – Давай заключим договор. Ведь у тебя так много слез, а я так долго изнывала от жажды.

Больше никаких сделок. Никаких богов, которые лишь хотели использовать ее как пешку в своей жалкой игре. Никаких транавийских юношей с красивыми, но хитрыми улыбками.

– Нет.

– Ты не справишься в одиночку, – сказала богиня.

Надя рискнула обернуться. Богиня больше не походила на него, вернувшись в свою обычную форму. Девушке не понравилось, как сжалось ее сердце. Несмотря ни на что, она хотела увидеть его еще раз.

– Нет. Я устала от того, что мной постоянно манипулируют. Вы все можете найти какого-нибудь другого смертного для ваших пыток.

На лес опустилась тишина. Неполная, так как слишком громко пели птицы на верхушках деревьев. Что-то зашуршало в чаще, и Надя невольно вспомнила все слухи о драконах, которые Катя ежедневно рассказывала за ужином. Какая удивительная судьба: пережить столько злоключений только для того, чтобы быть убитой в лесу каким-то мифическим созданием. Отличный конец для ее истории.

– Но ты ведь не совсем смертная, правда?

Надя закрыла глаза. Звезды, забвение и темный океан.

– Мне не нужны ответы.

А ведь когда-то ей так хотелось знать, кем она была на самом деле и почему те, кому она доверяла, лгали ей на протяжении восемнадцати лет.

– Не думаю, что это правда.

Может быть, и нет. Но она и так сильно ослабла, а ответы могли сломать ее окончательно.

– Я хочу быть простой смертной, – тихо сказала Надя.

Любица кивнула:

– Нас освободил тот транавийский король. Нас освободи-

ла ты. Нас освободил Велес.

– Сколько вас?

– Пятеро из нас сумели сохранить разум после стольких лет взаперти.

От этих слов по спине Нади пробежали холодные мурашки. Значит, есть и те, кто окончательно обезумел.

– Кто они?

– Я, Цветко, Златана, Звездан и Велес, конечно.

– Конечно, – пробормотала Надя. – И что будет теперь? Любица одарила ее спокойной улыбкой.

– Хаос.

Надя осталась на поляне в полном одиночестве, прижав к груди почерневшую руку. Девушка закрыла глаза. Было так тихо. Она привыкла к тишине с той ночи в соборе в Гражике, но тогда у нее оставалась надежда, что эта тишина однажды прекратится. Теперь она ни на что не надеялась.

С землей под ее ногами что-то было не так. Невидимые узы, связывающие весь мир, ослабли. Ведьма говорила Наде, что возмездие богов не обрушивается единым потоком, это происходит постепенно, шаг за шагом. Для воплощения своих планов им нужны были люди, а возможности людей сильно ограничены.

Но осязаемое присутствие Любицы означало, что пятеро падших обладали большей свободой. Может, произошедшее на горе развязало руки и другим богам?

Скорее всего, теория Нади подтверждалась, хотя она пока

не решила, что делать с этой информацией. Ей почти хотелось поговорить с Велесом, ведь именно он заварил всю эту кашу. Вот только она не знала, как добраться до этих пятерых. У нее не было символов, которыми можно было их обозначить, не было нити, за которую она могла бы ухватиться.

Позади нее хрустнула ветка дерева, и Надя развернулась, потянувшись к... Чему? Что у нее было? Ее пальцы сомкнулись на рукояти одного из ворьенов, но это движение тут же отозвалось ослепляющей болью в изуродованной руке.

Она обрадовалась, что зверь, появившийся из-за кустов, не был драконом. Но радость длилась недолго. На нее смотрели золотые глаза огромного изголодавшегося волка.

В детстве Надя часто видела волков возле монастыря, но они не были такими большими. Неестественно большими. Неужели их безрассудство породило таких первобытных чудовищ?

Ее безрассудство.

Она еще крепче сжала ворьен и поморщилась, когда по ладони начала стекать теплая жидкость. Раны, оставленные когтями Малахии, заживали медленно. Девушка протянула руку, вспоминая, как русалки реагировали на ее присутствие, как гудела ее кровь, когда они сражались с Личныйводой. Может ли это сработать и сейчас?

Над поляной прокатилось рычание. мех волка сваялся от грязи и потемнел от засохшей крови. Надя выставила ладонь перед собой, раздвинув пальцы, и хищник оскалился.

Она тут же отдернула руку, чувствуя, как ее кровь леденеет от страха. От волков невозможно убежать: они слишком быстры. Ветви деревьев росли слишком высоко, чтобы она могла забраться наверх. Оставалось только вступить в бой с одним-единственным ворьеном.

– Неправда, – голос принадлежал ей, но при этом звучал так отдаленно, будто говорил кто-то другой.

Это настолько привело Надю в чувство, что она смогла отскочить, когда волк бросился вперед. Его челюсти щелкнули в паре дюймов от ее руки, но она не хотела погружаться в темные воды. Использовать эти силы означало признать, что она всегда была не просто клириком.

Ладонь ее оскверненной руки, израненная и ноющая, все больше наливалась теплом, пока волк ходил кругами, истекая слюной в предвкушении пиршества. Она почувствовала, как напряглись его мышцы, как зашевелился мех. Зверь готовился к новой атаке.

Надя стояла на коленях на краю бурлящего океана. В отчаянии она опустила руку под ледяную воду.

Перед девушкой возникла мерцающая стена энергии, и, врезавшись в невидимую преграду, волк взвизгнул и попятился назад. Чистая магия, полное погружение. Вкус железа и пепла. Время вокруг Нади замедлилось, и она сжала кулак. Волк издал еще один отчаянный вопль, когда его тело парализовало.

«Было бы так легко убить это чудовище», – бесстрастно

подумала она. Наде казалось, что она наблюдает за собой со стороны. Еще один дюйм, одно движение пальцев – и она могла бы переломать кости зверя так же легко, как засохшие ветки. Белое пламя лизнуло ее искаженную руку, охватывая рукав платья.

В этот момент Надино зрение изменилось, и она смогла увидеть гораздо больше доступного ранее. Чудовище. Нет, не чудовище, всего лишь волк, древнее существо, которое бродило по лесам сотни лет. Надя не находила в себе силы навсегда прервать его скитания, поэтому, вздохнув, она ослабила свою магическую хватку и нанесла удар такой силы, что волк потерял сознание.

А затем она побежала.

Тяжело дыша, она потушила пламя на рукаве. Было глупо оставить волка в живых. Какая же она дура. Зверь подошел слишком близко к деревне. Но древние существа уже пробудились, и Надя не знала, правильно ли было их уничтожить. К тому же ее пугала собственная сила. Она словно становилась кем-то другим, чем-то другим, и жестокость превращалась в детскую забаву. Надя и без того совершила достаточно жестоких поступков. В ее голове все еще звучал голос Малахии, уверявший, что жестокость была ей к лицу, но она не хотела идти по этому пути.

Надя поморщилась, глядя на свою кровоточащую ладонь.

Использование магии уничтожило бинты на ее руках. Шрам в виде спирали, оставленный Малахией на левой ла-

дони, полностью зажил.

Что-то здесь было не так. Она осторожно двинулась к роще деревьев, которые казались темнее остальных. Как будто тени пожирали их стволы, медленно прогрызая себе путь вверх.

Надя провела рукой по одному из деревьев. Кора осыпалась от ее прикосновения, обнажая белую древесину, и по пальцам потекла кроваво-красная смола.

Дело плохо. Ее первой мыслью было схватиться за четки. Вацлав должен знать, что происходит. Но с замиранием сердца она осознала, что никто не откликнется на ее зов. Она осталась совершенно одна.

Ей не помогут ни боги, ни богини, ни высокомерный транавийский юноша, который знал слишком много.

Осталась только Надя.

Простая девушка, внутри которой открылся таинственный источник темной магии, – против надвигающегося конца света.

Сцена I

Париджахан Сирооси

Париджахан не могла припомнить ни одного случая, когда Рашид так злился на нее.

– Дело не в том, что ты рассказала Малахии, – раздраженно выпалил он. – Я могу это понять. Дело в том, что ты не рассказала мне.

Она скрыла от него абсолютно все. Послания, письма, отчеты, которые попадали к ней в руки. Девушку умоляли вернуться в Аколу и обещали, что любые проступки будут прощены, а ее статус – восстановлен. Что все вернется на круги своя, как было до ее побега.

Надя покинула фермерский дом, не сказав ни слова. Вскоре после этого ушла и Остия, а Катя последовала за ней. Париджахан села напротив Рашида. Она избегала его – избегала этого разговора – с того момента, как они сбежали из леса.

Письма от ее Траваша были разложены на столе, а она не могла оторвать глаз от Рашида, который потирал свои предплечья, испещренные странными отметинами и ужасными порезами. Они розовели на его бронзовой коже, совершенно отказываясь заживать.

– Ты все ему рассказала? – спросил Рашид.

Париджахан покачала головой:

– Я боялась, что он невольно меня выдаст, если будет знать слишком много.

Рашид склонил голову, молча соглашаясь с ней. От него исходила ледяная ярость, но Париджахан не хотела вступать в перепалку. Она понимала, что ссора ничего не решит.

– Что вы с ним задумали? – спросил он. – Только не говори, что ничего не планировали.

Париджахан настороженно посмотрела на Рашида. Он выглядел измученным. Длинные черные волосы, завязанные в хвост, делали тени под его глазами еще более заметными. Она знала Рашида большую часть своей жизни. Он был рядом с ней все это время. Ей не стоило держать его в неведении.

– Ты помнишь свой дом? – спросила она.

Рашид нахмурился, недовольный тем, что она ответила вопросом на вопрос, а затем нерешительно кивнул головой. Это был не тот ответ, которого хотела Париджахан. Она напряженно ждала, не решился ли он сказать что-нибудь еще. Раньше он делился с ней смутными воспоминаниями о своей семье, но ей нужно было что-то более определенное. Когда напряжение в Аколе достигнет апогея, к кому он присоединится? Будет ли Рашид хранить свою верность дому Си-рооси или переметнется на сторону Янзин Задара?

– Обрывками. Я почти ничего не помню, – ответил он. – Почему ты не доверилась мне, Пардж? Что я сделал не так?

Но он здесь был ни при чем. В том, что произошло, была виновата только сама Париджахан и ее страна.

Рашид взгляделся в ее лицо, и его теплые глаза потускнели от обиды.

– Понятно, – только и сказал он с отвращением в голосе.

– Малахия не имел никакого отношения к делам Аколы, – тихо сказала она. – Я не хотела ставить тебя перед таким тяжелым выбором.

– У меня никогда не было выбора, – заметил он.

Она поморщилась.

– Но теперь мне приходится делать выбор каждый день. И я выбираю остаться с тобой вместо того, чтобы отправиться домой. Или я неверно оцениваю ситуацию? Полагаю, как прасит, ты могла бы осудить меня за побег и назначить награду за мою голову.

– Рашид.

– Это ты решила, что мне нельзя доверять, – огрызнулся он. – Что вы задумали?

– Спасти Аколу от надвигающейся гражданской войны, – ответила Париджахан, поднимая подбородок. И пусть он только попробует сказать, что ее цель не была благородной.

Между ними разверзлась пропасть, а виной тому были трещины, которые угрожали вновь расколоть Аколу на пять разных стран. Хлипкий мост – спины несчастных жителей Янзин Задара – давным-давно сломался под давлением власти Паалмидеша.

Рашид посмотрел на Париджахан, и в его взгляде промелькнула нерешительность.

– Да, объединение терпит неудачу, и мой отец умирает, – пробормотала она, понимая, что условный мир между народами Аколы всегда висел на волоске. – Я думала, что нашу страну еще можно спасти. Что Малахия мог бы помочь. И да, я боялась, что, будь у тебя выбор, ты бы вернулся в Янзин Задар. Я не хотела тебя потерять. Это было эгоистично.

Рашид закрыл лицо руками и замолчал. Париджахан отвернулась, обводя взглядом фермерский дом. Золотистый свет заходящего солнца пробивался сквозь окно, отбрасывая сказочные тени. Она смотрела куда угодно, только не на него.

– Пардж... не думаю, что Аколу можно спасти.

– Малахия сказал то же самое. Но это означает, что нам не избежать гражданской войны.

– Только если ты не вернешься домой, чтобы ее остановить.

Париджахан уже слышала это от Малахии. Она лишь покачала головой. Дороги назад уже не было. Паалмидеш долгие годы высасывал все соки из других государств. На ее Траваше лежал тяжкий груз вины. Если она вернется домой, ее убьют задолго до того, как она сможет исправить ошибки своей семьи.

– У Малахии было много изощренных идей, которые включали в себя постепенное отравление некоторых дворян, чьи смерти вызвали бы длительный эффект домино. Это

очень длинный план. Но в итоге дом Сирооси должен был остаться в выигрыше.

Рашид фыркнул.

– И тогда я бы возглавила Траваш, – тихо закончила она. – А я этого не хочу.

– Как насчет...

Скрип входной двери не дал ему договорить. Париджахан подняла глаза, надеясь увидеть Надю, но перед ней стояла царевна. Катя подошла к столу и окинула печати на письмах внимательным взглядом, прежде чем опуститься на стул и откинуться назад.

– Ты далеко от дома, – заметила она. – И ты не та, за кого себя выдаешь.

– Я не собираюсь оправдываться, – ответила Париджахан, жалея, что не успела спрятать бумаги.

– Аколиийский прасит в королевстве хаоса. К тому же, ты можешь говорить с клиричкой, даже когда она никого к себе не подпускает.

– Наде нужно время, – сказала Париджахан. – Позволь ей прийти в себя.

На той горе Париджахан потеряла близкого друга, но Надя потеряла гораздо больше. Она еще не скоро сможет смириться со своим горем. Возможно, никогда.

– У нас нет времени, – вздохнула Катя, завязывая свои темные кудри. – Я должна знать, зачем ты здесь. Когда мы доберемся до Серебряного двора, мне придется объяснить

своему отцу, зачем я притащила прасита в самое сердце нашей страны. Не хотелось бы, чтобы твой Траваш обвинил меня в похищении и объявил Калязину войну.

– Они не объявят войну, – уверенно сказала Париджахан. – Только не из-за меня.

– Я бы не была так уверена.

– Они не станут рисковать. Военные ресурсы понадобятся им в случае внутреннего конфликта, – объяснила акойка.

Брови Кати поползли вверх. Париджахан никогда не лгала о том, почему находилась в Калязине, но все же не раскрывала всей правды. Здесь было легко говорить о возмездии. Это слово имело значение для таких, как Малахия или Надя – людей, чьи миры погрязли в насилии. Оно служило убедительным объяснением тому, что акойка предпочла их жестокие страны своей родине. Но у нее имелось слишком много причин для побега, и она продолжала бежать, потому что просто не могла остановиться. Настоящим правителем Аколы был вовсе не отец Париджахан, а ее бабушка, и она понимала, что Зохре пойдет на все, лишь бы удержать власть над ее семьей и всей страной.

Когда-то она думала, что махинации бабушки никак ее не коснутся. Париджахан не должна была унаследовать Траваш. У нее были старшие брат и сестра: Таране и Арман. Но Таране выдали замуж за транавийца, вычеркнув ее из очереди наследников, а Арман отправился к пустынным магам и не вернулся назад. Париджахан даже не надеялась, что он все

еще жив.

В итоге на плечи младшей дочери дома Сирооси возложили груз ответственности за страну, которая разваливалась на части. Она не хотела такой ответственности. Никто не хотел.

Девушке казалось, что ее побег только облегчит всем жизнь. Никто не хотел видеть ее на троне. Зохре считала внучку слишком упрямой для будущей правительницы, так что же изменилось?

Рашид окинул царевну многозначительным взглядом. Париджахан никогда не видела его таким мрачным, и ей было больно наблюдать за тем, как тускнеют его насмешливые глаза. Она боялась спросить, через что ему пришлось пройти в том проклятом лесу. Это была их первая разлука за долгие годы, и между ними вдруг образовалась пропасть, которую они никак не могли преодолеть. С другой стороны, Париджахан сама посеяла семена раздора, скрыв от Рашида правду о состоянии своего отца и будущем Аколы.

Он хотел вернуться домой, а она не могла последовать за ним. Если бы Рашид ушел прямо сейчас, сердце Париджахан разбилось бы, но она не стала бы его останавливать.

– Скажи хоть что-нибудь, – сказала Катя. – Я тебе не враг и лишь хочу избежать международного скандала.

– В Аколе знают, что я натворила и почему сбежала. Чего они не знают, так это почему я решила остаться здесь. Поверь, Акола не нападет на Калязин или Транавию. У нас полно своих проблем. Но если тебе нужно объясниться перед

своим двором, скажи им часть правды. Я здесь для того, чтобы помочь вашим королевствам.

– Не хочешь рассказать мне все остальное?

Париджахан ощутила на себе тяжелый взгляд Рашида.

– Этого достаточно.

Воспоминания о том проклятом лесе останутся с ней навсегда. Она была отмечена, как и ее друзья, и эту метку будет не так-то просто стереть. Париджахан знала, что видела и что от нее требовалось, но вряд ли хоть что-то могло получиться без... Она судорожно сглотнула. Это больше не имело значения.

Малахия Чехович

«Бурлящий, нескончаемый ужас закручивается в смертельную воронку, пожирая все на своем пути. Даже свою собственную плоть».
Волхожникон

Все усилия были напрасны: он никак не мог согреться и унять дрожь, не мог остановить нервный тремор, который все сильнее сотрясал его кости с каждой новой судорогой.

Taszní nem Malachiasz Czechowicz. Только не это. Пожалуйста, пусть это прекратится. Он сделает то, что должен; он сделает все что угодно.

Малахия не мог отказаться от отчаянного желания жить, желания быть самим собой. Ему не требовалось многого, всего лишь частичка незамутненного сознания, но бог угрожал отобрать у него и это. Уничтожить все, что когда-то было Малахией, пока он не превратится в бездушный сосуд.

Его это не устраивало. Малахия тоже был богом, и он не желал, чтобы им управляли. Если для этого придется подыгрывать, так тому и быть. Он будет страдать. Он выживет. Пока он жив, у него есть возможность все изменить.

С другой стороны, Малахия следовал этой философии на протяжении многих лет, но она так и не принесла плодов. Транавия и Калязин будут вечно воевать между собой, потому что они не знали другой жизни. Война стала чем-то привычным и даже удобным. Время от времени одна сторона выдвигала требования, а вторая не хотела уступать. Он не видел возможности вырваться из этого порочного круга.

Может, когда-то он и рассматривал Надю как ключ к решению проблемы. Ему казалось, что она способна на компромисс. Они верили в разные вещи, но их тянуло друг к другу. Ее общество стало для него утешением, которого он никогда раньше не испытывал. Малахии нравилось быть рядом с ней, нравилось спорить о теологии и о значении религии в мировых масштабах. Она заставила его задуматься о вещах, которых у него никогда не было, и, как бы он ни противился этим мыслям, их беседы казались ему захватывающими. Надя казалась ему захватывающей.

Но все это теперь разрушено. Теперь, когда ему открылась истинная природа Нади и стало понятно, что она не спасет ситуацию. Только усугубит.

«Ты и правда так уверен, что знаешь все о природе этой девушки?» – с любопытством спросил голос.

Малахия вздрогнул, но не стал отвечать. Ему не показалось? Разве это вообще возможно? Стоило ли приписывать человеческие качества этому незримому существу?

«Нет, – ответил голос, явно забавляясь. – Но, честно го-

вора, мне все равно, как ты меня воспринимаешь».

Он очнулся в святилище церкви. Природа давно взяла свое, и развалившиеся скамейки поросли густой, ядовитой травой. Среди зарослей белели чьи-то кости, а во влажной поросли копошились личинки, словно где-то поблизости разлагалась мертвая плоть. Малахия поднялся на ноги, страхиная личинок со своей кожи.

Он провел рукой по волосам. Его пальцы нащупали гладкие бусины и реликвии, запутавшиеся в прядях. Первой мыслью было вырвать проклятые кости – столько бед из-за таких мелочей, – но они все еще могли ему пригодиться. Тем более что раздобыть их было совсем не просто.

У него перехватило дыхание, и он закашлялся, когда боль, охватившая легкие, на мгновение усилилась, прежде чем снова исчезнуть. Малахия выплюнул сгусток крови, и по его телу прошла сильная дрожь, но затем все улеглось. Временный покой.

Ему хотелось лишь заснуть и позволить личинкам обглодать его кости, потому что это казалось более радужной перспективой, чем продолжать существовать в таком состоянии.

Он решил, что в первую очередь ему нужно найти способ выбраться из леса. Уничтожение остального пантеона могло подождать.

Малахия плохо помнил, когда ел или пил в последний раз, но, кажется, это было еще до того, как он поднялся на гору. У него постоянно кружилась голова. Оставалось только наде-

яться, что, когда солнце наконец-то зайдет за горизонт и он сможет отправиться в путь, ему посчастливится наткнуться на чистый ручей. Он не собирался притрагиваться к тому, что находился в стенах церкви. Все здесь давно сгнило.

Он старался подавить панику, которая охватывала его при одной мысли о том, что ему больше никогда не увидеть солнечного света.

Не зная, что на него нашло, он отважился спуститься к странному колодцу в подвале. Бледные цветы увяли, превратившись в пыльную шелуху. В углу он нашел свой скомканный мундир и со вздохом натянул его на себя. Ему не хотелось вспоминать о той ночи, когда он торопливо собирал свои немногочисленные вещи, прежде чем сбежать из Транавии.

Малахию не особенно любили среди Стервятников. Он переживал, что окажется бесполезным, и они презирали его за излишнюю чувствительность. Они недооценивали его, но в конце концов он заслужил их уважение, и это было единственным, что имело значение внутри культа. Роза постоянно пыталась подорвать его авторитет, хотя когда-то он сам делал все возможное, чтобы дискредитировать Луцию. Единственное отличие было в том, что он убил Черную Стервятницу, а Роза никогда бы не решилась бросить ему вызов. Они были слишком разными. Малахия искренне наслаждался моментом, срывая голову с плеч Луции.

Луция, последняя Черная Стервятница, очень долго дер-

жала культ в железных рукавицах, систематически уничтожая любого, кто осмеливался противостоять ей. Она была расчетлива и безжалостна, но ей не хватало честолюбия.

Теперь Транавия считала Малахию самым безжалостным и расчетливым Черным Стервятником в истории культа. Они будут вечно хранить его наследие, но никогда не вспомнят Луцию.

Разве не в этом состояла его главная цель? Ради чего он строил свои изощренные планы, лебезя перед Черной Стервятницей, убеждая ее в собственной слабости и позволяя вытирать о себя ноги? Малахия считал, что чем ниже он опустится в ее глазах, тем легче будет ее одолеть. И он оказался прав.

Он сделал это не ради дурной славы, хотя и получал от нее определенное удовольствие. Он сделал это, потому что хотел все изменить. Потому что его раздражало бездействие ордена, Транавии, всего мира, и он больше не мог терпеть пассивность Луции.

Малахия был удивлен своим внезапным желанием вернуться на этот проклятый трон и заняться мелкими придворными делами. Он никогда не хотел становиться монстром, и на протяжении долгого времени эта новая, кошмарная сущность не вызывала у него ничего, кроме ненависти. Малахия невольно коснулся шрамов, которые покрывали его предплечья. Когда все изменилось? Когда он успел принять эти изменения?

Он обнаружил, что сидит над кровавой лужей, разглядывая ее застывшую поверхность. Знала ли Надя, что произойдет, когда она войдет в колодец? Малахия протянул руку к багровой луже, не осмеливаясь прикоснуться к ней. Сможет ли он исправить ее ошибку?

Должно быть, это случилось здесь. Некоторые пробелы в ее истории не давали ему покоя. Он не знал, что случилось с Надей в промежуток между уничтожением стены и прибытием в храм, но именно в тот момент что-то изменилось.

Малахия потянулся за своей книгой заклинаний. Его пальцы схватили воздух, и грудь сдавил приступ паники, заставивший его зайтись кашлем. К этому невозможно было привыкнуть. Эта книга составляла всю его жизнь, и она исчезла. Каждое написанное им заклинание, каждый портрет Нади и его друзей – все пропало. Будь книга все еще у него, он мог бы обратить все вспять или хотя бы использовать ее в качестве отправной точки, чтобы разобраться в произошедшем. Ему нужно было с чего-то начать. Все, что сломалось, можно исправить – Малахия свято в это верил.

Хотя бы ради самого себя.

Надежда Лаптева

«Лев вернулся прошлой ночью. Скорее всего, он был в Тачилвнике, но я не знаю. Он молчит. Точнее, не может говорить. «Там нет никого, кроме богов», – он написал это на клочке бумаги. А потом показал мне кое- что... Они отрезали ему язык».
Отрывок из дневника Софьи Грешиновой

Надя не любила ездить верхом. Ей особенно не нравилось ездить по лесным дорогам, чувствуя, как окружающий мир постоянно меняется. Она попыталась отгородиться от этих мыслей, но деревья выглядели по-другому, и сам воздух казался странным на вкус. Как будто все вокруг исказилось и замерло в ожидании. Но чего именно? Конца света?

– Когда мы доберемся до Комязалова, то сможем перегруппироваться, – с твердым убеждением сказала Катя, когда Надя спросила об их дальнейших планах. На этот раз слова царевны звучали по-настоящему уверенно.

Надя ничего не ответила, продолжая разглядывать деревья. Еще совсем недавно они изо всех сил старались сбросить с себя остатки долгой, тяжелой зимы, а на ветвях начинали появляться тусклые зеленые листья, которые станови-

лись все ярче с каждым новым днем. Но теперь они почернели, высохли и покрылись паутиной.

Она зажмурилась, прижимая кулаки к глазам, и, выдохнув, прислушалась в ожидании услышать чей-нибудь голос. Но вокруг царила оглушающая тишина.

Когда Надя открыла глаза, деревья снова стали зелеными, но она знала, что это всего лишь иллюзия. Это было только начало. Странная черная плесень была настоящей. Она видела какую-то другую реальность, переплетенную с их миром, и граница между ними постепенно стиралась.

Надя не хотела искать ответы в Комязалове. Она не думала, что матриарх вообще захочет ответить на ее вопросы. Женщина, которая наверняка приложила руку к тому, чтобы держать Надю в неведении, не станет ей помогать. В столице ее не ждет безопасность. Но, может быть, Церковь будет права, если приговорит свою бывшую клиричку к смерти. С каждым часом она все больше ощущала близость холодной, темной воды. Надя уже коснулась ее поверхности, когда использовала свою силу против огромного волка. Это было странно, непривычно, и в то же время приятно. Конечно, она испугалась, но разве можно убежать от самой себя?

Может быть, поэтому Церковь так долго ей лгала. Они подозревали, что она была не той, кем казалась на первый взгляд. Опаснее клирика, кровожаднее мага. Обращаясь к энергии темного колодца, Надя чувствовала себя еще хуже, чем в присутствии Любицы, если такое вообще было воз-

можно.

Дурные знамения намекали, что на свете есть вещи пострашнее падших богов. По-настоящему древние существа. Жуткие статуи на лесной поляне – вот о чем она думала, используя эту силу. Ее охватывал тот же первобытный ужас, то же чувство неизбежности. Теперь ей были известны имена пяти статуй, но оставалось еще пятнадцать. Пятнадцать существ, исчезнувших и забытых, никак не давали Наде покоя. Может, они мертвы? Или просто выжидают своего часа?

Неужели падшие боги выпустят на волю что-то еще более древнее и темное? В этом состояло ее предназначение?

Эта мысль была невыносимой, но девушка больше не могла отрицать, что связана с этой поляной.

Вечером они разбили лагерь, чтобы отдохнуть после долгого дня, проведенного в дороге. Надя побрела прочь, наблюдая за тем, как меняется лес. Становилось все темнее, и обычные звуки дикой природы начали перерастать в крики. Она вздрогнула, оглянувшись на своих спутников, но они ничего не заметили. Кроме Рашида. Он вздрагивал каждый раз, когда в лесу раздавался крик. Аколиец поймал на себе Надин взгляд, и она наклонила голову. Не сказав ни слова, он последовал за ней.

– Ты тоже это чувствуешь? – спросила она.

Рашид поднял голову, разглядывая кроны деревьев, прежде чем ответить ей хриплым голосом:

– Пожалуй, пора рассказать тебе правду.

У Нади сжалось сердце. Только не это. Не может быть, чтобы он тоже лгал ей все это время.

Она бы не выдержала еще одного предательства.

Рашид заметил выражение ее лица, и в его глазах мелькнуло что-то необъяснимое. Этот странный взгляд быстро сменился чем-то теплым и доверительным.

– Нет, нет, не волнуйся, я неверно подобрал слова. Я... – он замолчал, рассматривая свои руки и разминая пальцы. – Меня взяли в Траваш Сирооси после того, как я проявил признаки силы. В моей семье магия передается по наследству, но мы никогда не придавали этому особого значения.

– Что это за магия?

– Ну, в этом-то и дело, правда? Вы, северяне, так здорово разложили все по полочкам. Магия, дарованная богами, или магия, исходящая от крови. В каком-то смысле, так и есть: даже аколиийские маги извлекают силу из своей крови, но в Калязине об этом никто не знает, потому что вы никогда не бывали в наших пустынях. Все работает совсем иначе, чем вы думаете, но мы все равно предпочли сохранять молчание, когда Калязин пошел войной на Транавию. Вы бы не стали разбираться в тонкостях магии крови и объявили бы нас врагами.

Надя поморщилась.

– Магию легко игнорировать, когда это всего лишь искра, которая затухнет и исчезнет сама собой. Именно так поступала моя семья. Но мой дедушка совершил ошибку, из-за ко-

торой я и мой дядя оказались в Траваше, годами отравлявшем нашу страну. Потому что этот Траваш хотел заполучить как можно больше магов, прежде чем спрятать их в пустыне, как велит традиция.

– Но магия постоянно меняется, – прошептала Надя, догадавшись, к чему он клонит.

Рашид кивнул:

– Дороги разбиты. Катя обладает какой-то странной магией. Ты обладаешь какой-то странной магией. Столько всего произошло за последние...

– Странная магия, – тихо повторила она, пытаясь примириться с действительностью.

Ее мир был построен на лжи, но она не ожидала, что магия – сила, основанная на непреложной правде, вечная и неизменная, – окажется такой дикой и непредсказуемой.

– Думаешь, во всем виноваты те, кого мы освободили?

Рашид пожал плечами:

– Раньше я ничего не чувствовал. Моя сила дремала где-то в глубине, потому что я старательно ее подавлял, но тот лес... – он вздрогнул. – У меня нет почти никакой подготовки, и я не знал, что случится, если использовать свою магию. Париджахан всегда знала о моих способностях. Она убедила свою бабушку, что ей нужен охранник, а кто может быть более подходящей кандидатурой, чем юный маг из Янзин Задара? Я никогда не хотел развивать свои силы, но теперь мне кажется это ужасной ошибкой.

Надя подумала о том, как сильно изменилась Париджахан. В последнее время она стала закрытой и тревожной. Аколийка постоянно отводила Малахию в сторону, словно задумала что-то секретное.

– Они нуждались в магах, но при этом позволили тебе не тренироваться?

– Дело не в магии, – ответил Рашид. – Сирооси хотели запугать другие Траваша, убедив всех, что у них есть целая армия магов. Если бы им понадобились доказательства, обязательно нашелся бы кто-то, способный продемонстрировать впечатляющий трюк. Я был им не нужен.

– Мне не следовало тащить вас в этот лес, – пробормотала Надя.

– Пожалуй, – согласился Рашид. – Но Малахия все равно пошел бы за тобой.

– Только если бы не знал всей правды.

Рашид окинул ее долгим взглядом:

– И даже тогда.

– Перестань. Не надо делать вид, что между нами было что-то большее, чем постоянное вранье и предательства. Особенно теперь, когда он мертв. Нам всем стоит раз и навсегда забыть про него. Лучше скажи мне, что происходит с Париджахан?

Юноша тяжело вздохнул, и в этом звуке заключался весь ответ на ее вопрос.

– Семья Пардж никак не оставит ее в покое.

– Это я уже поняла.

– Не знаю, как долго она сможет скрываться.

– Ага.

– В общем, это самая незначительная из всех твоих забот, – сухо закончил Рашид.

– Не говори так. Просто это еще одна проблема, которую я не могу решить.

– Надя, тебе никогда не приходило в голову, что ты и не должна решать все проблемы на свете?

Она застонала.

– Сколько тебе? Восемнадцать? Почему ты должна нести ответственность за весь мир?

– Потому что я все испортила.

– Нет, это не так. Все было испорчено до тебя, а скоро станет еще хуже, потому что люди – безумные создания, которые совершают ужасные поступки.

– Все не так просто.

– Ты права, ведь, помимо всего прочего, люди невероятно сложно устроены, и некоторые из них даже способны совершить что-то прекрасное.

Надины глаза наполнились слезами.

– Я не знаю, что мне делать, – прошептала она. – Я потеряла свою богиню, потеряла Малахию, и вдруг оказалось, что есть вещи похуже, чем постоянное сомнение. Раньше меня раздирали две противоборствующие стороны, а теперь их нет. Ничего не осталось. – Надя принялась отчаянно тереть

свои глаза. Нет, она не собиралась плакать.

Рашид обхватил ее запястья.

– Позволь себе горевать, Надя. Как это делаю я.

– Он этого не заслуживает.

Маржена тоже не заслуживала скорби, но ей не хотелось говорить об этом с Рашидом.

– Может быть. Но я очень сильно любил этого парня, чего он тоже не заслуживал. Думаю, дело вообще не в этом. Нельзя заслужить чью-то любовь.

– Перестань делать вид, что все еще может наладиться. Ничего не наладится. Никогда.

– Это неправда, Надя.

Она смерила Рашида недоверчивым взглядом, но его упорный оптимизм вселял надежду на лучшее будущее.

Воздух разрезал еще один крик, и Рашид вздрогнул от неожиданности.

– Ты привыкнешь, – сказала Надя.

– Не уверен, что хочу к этому привыкать.

– Малахия обо всем знал?

Рашид нахмурился, и его лицо исказилось от ярости.

– Париджахан говорит, что она не раскрыла ему всех подробностей, но я думаю, она лжет, – он печально улыбнулся. – Я все еще не знаю, что мне делать, и никто не может мне с этим помочь.

– А что насчет Остии?

– Разве она согласится?

Надя задумалась. Остия никогда не была враждебна к ней или Париджахан, и, насколько она могла вспомнить, транавийка особо не возражала против компании Рашида.

– Сложно сказать, но я думаю, что согласится. Только она наверняка расскажет обо всем Кате.

– Я что-то пропустил?

– Пока нет, но, если вы с Пардж захотите сделать ставки, я готова поспорить, что Катя вот-вот закрутит скандальный роман с транавийской генеральшей.

– Послушай...

– Думаешь, я забыла, как вы делали ставки на меня и Ма-лахию? – Между ними повисла долгая пауза. – Я помогу, если смогу. Но сомневаюсь, что наши силы хоть чем-то похожи.

– Девушка, которую я встретил в горах, убила бы меня за использование отличной от ее магии.

– Та девушка во многом ошибалась, – сказала Надя, безуспешно пытаясь скрыть меланхолию, которая звучала в ее голосе. – Она давно мертва.

Надя не могла уснуть. Она продолжала сидеть в дозоре, даже когда ее очередь подошла к концу. Лес казался спокойным, если не считать криков, к которым она уже успела привыкнуть.

Внезапно в воздухе повеяло магией, и, прежде чем она успела вскочить на ноги, ее швырнуло на землю.

– Вот и ты, – на ее шее сомкнулись железные когти, а в ушах зазвучал шипящий, искаженный голос. – Что ты наде-
лала, маленькая клиричка?

Темные пряди падали на бледное лицо, и Надино сердце невольно сжалось, хотя она прекрасно понимала, что это не он.

– Живия.

– Где он? – Живия прижала Надю к земле. Ее глаза по-
чернели, а зубы превратились в железные иглы.

Надя захрипела.

– Слезь с меня, – яростно прошипела она. – И закрой рот, пока всех не перебудила. – Катя без раздумий убила бы Стервятницу на месте.

Пока Живия, замерев, вглядывалась в ее лицо, Надя старалась не думать о том, как сильно эта Стервятница напоминала Малахию. Они могли бы быть родственниками. Хотя эта честь, по-видимому, принадлежала Серефину.

И Надя ничего не рассказала. А ведь она сложила кусочки головоломки еще до того, как лес окончательно искажил Малахию, превратив его в чудовище. Ей следовало ему рассказать. Надя знала, что его гложет одиночество. Он хотел знать, кто его семья. Но ему не нравился Серефин, и она боялась, что Малахия плохо отреагирует на ее подозрения. Поэтому она оставила свои догадки при себе, а потом было уже слишком поздно.

На лице Живии отразился страх.

– Где он? – повторила она, растеряв былую уверенность. Теперь Стервятница казалась потерянной и напуганной.

Надя откинула голову, опустив затылок на холодную землю. Живия слезла с ее груди и села рядом.

– Здесь его нет, – сказала Надя, поднимаясь на ноги.

Она протянула руку, и Стервятница посмотрела на нее с сомнением в глазах. Надя больше не понимала, что делает, но она и без того нанесла Транавии достаточно вреда, поэтому все остальное было бы бессмысленной жестокостью. Малахия был другом Живии, и она имела право знать о его смерти.

Спрятав железные когти, Стервятница приняла протянутую руку, и Надя помогла ей подняться, после чего повернула ее в сторону леса.

– Иди, – прошептала она. – Поговорим там.

После того как Живия скрылась за деревьями, Надя разбудила Рашида, чтобы он встал в дозор вместо нее, и ускользнула, когда он отвернулся. Она не сомневалась, что он слышал, как хрустели сухие листья у нее под ногами.

Лес превратился в сплошное черное пятно, которое давило ей на грудь. Надя не знала, как далеко ушла Живия, но вскоре что-то зашуршало прямо у нее над головой.

– Необязательно было забираться на дерево, – сказала она. – Я не причиню тебе вреда.

Живия соскользнула с ветки и повисла вниз головой, оказавшись лицом к лицу с Надей.

– Я тебе не доверяю.

– Это правильно.

Капля крови появилась в уголке губ Стервятницы и стекла вниз по ее лицу, оставляя за собой бледно-розовый след. Могла ли Живия пользоваться своими заклинаниями? Надя лишила Транавию магии крови, но что это значило для Стервятников, которые были созданы при помощи магии?

– Воздух ощущается иначе, – сказала Живия искаженным голосом, который проявлялся каждый раз, когда Стервятник становился скорее чудовищем, чем человеком. – Все изменилось, и наш Черный Стервятник исчез. Говори быстрее, маленькая клиричка, потому что мое терпение на исходе и мне уже не терпится тебя убить.

Надя подняла подбородок. Она не могла расклеиваться при каждом упоминании Малахии.

– Ваш король убил своего брата.

Живия нахмурилась и склонила голову, но затем в ее глазах вспыхнуло понимание.

– Ну конечно. Мне следовало бы догадаться, что они братья.

– У них одинаковые глаза, – протянула Надя с дрожью в голосе. Она боялась того, как Стервятница отреагирует на это известие.

Живия зажмурилась и прижала руки к вискам, продолжая висеть вниз головой.

– Как это произошло?

– Его ударили в грудь древней реликвией.

Стервятница нахмурилась. Открыв глаза, она уставилась на Надю, а затем выпустила железный коготь и сделала длинный надрез на своей руке. Наде с трудом удалось скрыть свое отвращение.

– Это невозможно, – сказала Живия.

«К сожалению, возможно», – подумала Надя. Но правда ли она жалела о его смерти? Ее сердце тянулось к Малахии, но он был воплощением всего, против чего она боролась всю свою жизнь. Она всего лишь выполнила свой долг.

– Я знаю, что вы, Стервятники, фактически бессмертны...

Живия усмехнулась, но Надя не обратила на это внимания. Она все еще чувствовала тепло его окровавленных пальцев на своих губах.

– Он мертв, Живия, – ее голос надломился, и, услышав это, Стервятница широко раскрыла глаза.

У Нади было всего несколько секунд, чтобы среагировать на внезапный удар. Она молниеносно отскочила назад как раз в тот момент, когда щелкнули зубы Стервятницы. Живия спрыгнула на землю и оскалилась, обнажая несколько рядов острых железных клыков. Надя тяжело сглотнула. В этот раз ей не повезло, и противница врезалась в нее, повалив на землю.

Надя схватила Живию своей почерневшей рукой, и Стервятница зашипела, отпрыгнув назад. С ее губ сорвался болезненный стон. Надя в ужасе наблюдала за тем, как вместе

с порезами на руке Живии открываются глаза. Стервятница зажала свои раны ладонью, глядя на Надю широко раскрытыми глазами:

– Что ты такое?

Надя медленно покачала головой. Она сжала руку в кулак, чувствуя, как когти впиваются в кожу и по пальцам стекает кровь.

Всю руку Живии покрывали кровоточащие раны, но глаза больше не появлялись. Что это было?

– Это какое-то безумие, – пробормотала Стервятница. – Мы так просто не умираем.

Надя не знала, как убить Стервятника, но смерть от могущественной реликвии казалась ей вполне правдоподобным объяснением.

– Что происходит с вашим орденом?

Живия сверкнула глазами, но ее выдавала еле заметная дрожь. Несмотря на свою чудовищную природу, Стервятники оставались до боли человеческими созданиями.

– Почему я должна тебе рассказывать?

– Потому что мы больше не должны позволять этой войне решать наши судьбы, – ответила Надя. Она не могла сказать, что пыталась спасти Малахию, и очень сожалела об этом.

Живия подняла подбородок, и Надя с болью в сердце узнала скорбное выражение, исказившее ее лицо. Как же много людей попало под его чары, и сколько жизней изменила его смерть. Это казалось неправильным. Почему этот

ужасный юноша оставил после себя столько боли?

– На горизонте зарождается новая война, – наконец сказала Живия. – Я не смогу ее остановить, даже если захочу. Стервятники всегда держались на самом краю хаоса, и теперь...

Со стороны лагеря раздался шум.

– Уходи. В нашем отряде есть Voldah Gorovni.

Живия бросила на нее косой взгляд:

– Я и не сомневалась.

Надя вздохнула. Не было смысла объяснять, что она не имеет никакого отношения к присутствию Кати. Это было не важно.

Живия с сомнением посмотрела на свои порезы, затем перевела взгляд на Надю, задержавшись на ее почерневшей руке, и наконец исчезла в темноте.

Надя дернула за кончик своей косы, закусив нижнюю губу. Прикосновение божественного искажало смертную плоть, но Стервятники не были обычными смертными. Так что же произошло?

Из-за деревьев появилась Катя. Рука царевны напряженно лежала на рукояти меча:

– Ты не должна бродить тут одна.

– Я справлюсь со всеми чудовищами, которых решит наравить на меня этот лес, – устало ответила Надя.

– Все равно, – тихо сказала Катя. Она смотрела на руку Нади, прищулив глаза.

Может быть, Малахия оказался прав и ее рука была результатом извращенной божественности, случайной наградой за освобождение Велеса. В тот момент она также освободила ту часть себя, о которой никогда бы не узнала, не пролей она кровь ради могущества, как самая настоящая еретичка. Надя вошла в темную воду, к которой простым смертным не стоило даже прикасаться. Все беды происходили с ней в те моменты, когда она отказывалась от догматов, прививаемых ей как непреложная истина.

Если бы она только знала, что делать со всеми этими откровениями.

– Если я поеду в Камязалов, ты гарантируешь мне безопасность? – спросила Надя. Она была слишком осторожна, чтобы думать, будто ей попадется еще один брат Иван. Матриарх не будет так снисходительна к ее проступкам.

– Зачем тебе это? – спросила Катя.

Надя искоса посмотрела на царевну.

– Не притворяйся. Я не тот клирик, что был обещан Казязину. Я не могу остановить хаос.

«На самом деле, я только усугубила ситуацию».

Катя усмехнулась.

– Ты уничтожила еретическую магию.

– А еще я виновата в смерти бога.

– И смерти самого худшего из Черных Стервятников.

Надя вздрогнула. Катя ничего не знала.

– Стервятник убил Марженю, и теперь он мертв.

«Но он убил ее с моей помощью».

Ей надоело быть жертвой постоянной лжи и манипуляций. Она хотела вырваться из-под влияния Маржени.

В небе раздался гром, и Катя подняла голову:

– Ты все еще их чувствуешь?

– Богов?

Царевна кивнула.

– И да, и нет. Они отвернулись от меня и, несмотря на сохранившуюся связь между нами, просто отказываются говорить. Думаю, они... к чему-то готовятся. Неужели падшие боги и правда так опасны?

– Хотела бы я знать, – ответила Катя. – К сожалению, у нас в распоряжении есть только расплывчатые – а может, и вовсе бессмысленные – апокрифические тексты. Я не знаю, Надя. Не знаю, что будет дальше, – на ее лице промелькнуло странное выражение. – Ты только что с кем-то разговаривала?

– Нет.

Было очевидно, что Катя ей не поверила.

– Можешь рассказать мне о матриархе? – попросила Надя, на что царевна подняла бровь.

Она внимательно посмотрела на Надю, словно не могла решить, стоит ли говорить с ней на эту тему. Достояна ли она. Бывшую клиричку задевало такое недоверие, но, с другой стороны, это было справедливо.

– Поэтому ты просишь меня о защите? – наконец спроси-

ла Катя. Поразмыслив, Надя еле заметно кивнула.

– Понятно, – царевна облокотилась на то же дерево, с которого еще недавно свисала Живия. – Мы с ней не ладим.

У Нади похолодело в животе. Это было не то, что она хотела услышать.

– Матриарх может быть... суровой. В конце концов, она вестница богов, и ее слова – закон для всех представителей Церкви. – Катя изучала Надино лицо. – И она с радостью уничтожает все, что связано с еретической магией.

Вот оно. Подтверждение Надиных опасений. Взгляд царевны опустился на ее черную руку:

– Ты думаешь, она захочет тебя казнить.

– Катя... я не... – Надя вздохнула. – Да. Именно так.

Катя выслушала ее признание с совершенно беспристрастным лицом, и Надя не знала, чего от нее ожидать.

– Это из-за Черного Стервятника? – спросила она. – Из-за него ты зашла так далеко, что теперь боишься виселицы?

– Скорее всего, меня сожгут на костре, – возразила Надя. – Нет. Конечно, он тоже принял в этом участие. Он задавал очень неприятные вопросы, на которые у меня не было ответов, но я бы оказалась в этой ситуации и без его помощи.

Надя сама не знала, насколько правдивы ее слова, но ей хотелось в них верить. Обратное означало бы, что Малахия обладал слишком большой властью над ее судьбой. В конце концов она бы задала себе те же самые вопросы. Она была чертовски любопытна, и это привело ее к падению.

– Я сделаю все, что в моих силах, Надя, – произнесла Катя после долгой паузы, повисшей в холодном воздухе.

Первые лучи рассвета начали пробиваться сквозь деревья, и Надя коснулась своей почерневшей руки, со страхом думая о том, какие испытания ждут их впереди.

Малахия Чехович

*«Его пальцы цепляются, царапаются,
хватаются за все, что он может утащить себе в
пасть, желая утолить свой бесконечный голод».*
Волхожникон

Малахия не привык быть один. Даже в Соляных пещерах были другие Стервятники. В любое время он старался окружать себя людьми. Его всегда мучило одиночество, но в компании других становилось немного легче: Стервятники, Рашид и Париджахан, странный отряд калязинской царевны, Надя...

Он закрыл глаза и упал в гниющие цветы, чувствуя, как немеют ноги. Малахия не осмеливался коснуться той магической нити, что соединяла его с другими, но не сомневался, что эту связь не разорвет даже смерть. В нем бурлило слишком много силы, не принадлежащей ему. Силы, которую он не мог контролировать. Странная, темная магия Нади. Тяжелое присутствие Чирного. Их энергия сливалась в единый поток, и он не понимал почему.

Малахия запустил пальцы в волосы. Он должен был уме-

реть.

Он умер. Часть него осталась на той горе, и он никогда не вернет ее обратно. Чего стоило его воскрешение?

Насколько древний этот бог, который поселился у него в голове? Что он видел?

Что он сделал?

Кого поглотил?

Эта мысль поразила его, как удар грома. Он подумал о своем голоде. Постоянном, ненасытном, безумном. Подумал о тьме, абсолютной и беспросветной.

Малахия задумался о том, кем он стал.

Судя по тишине, бог не всегда подслушивал его мысли. Это было важное наблюдение. Да, Малахия не мог совладать с древним божеством, но он еще не проиграл этот бой. Может быть, долгий сон ослабил Чирного. Как бы там ни было, он еще не уничтожил Малахию.

Ему требовались ответы. Ему нужно было...

– Выбраться отсюда, – произнес он, вставая с земли.

Не обращая внимания на постоянные изменения в своем теле, он поднялся по лестнице. К счастью, снаружи было темно, и, хотя Малахия не хотел покидать церковь, защищавшую его от проклятого леса, он знал, что должен это сделать.

Как он вообще здесь оказался? Как позволил втянуть себя в этот кошмар? Ему не следовало покидать Гражик. Не следовало уходить из Соляных пещер. А самое главное – не следовало слушать Надю.

Ему не следовало в нее влюбляться.

«Что ж, с этим покончено».

Он должен был перестать думать о ней. Пусть она считает, что он мертв. Пусть живет со своей праведной, как ей кажется, яростью. Он так устал. Ему предстояло так много сделать.

Так низко пасть.

Бесконечный голод, грызущий его изнутри, был вызван не просто долгим отсутствием пищи. Это было что-то древнее, старое, но при этом слишком знакомое. Малахия старался игнорировать это ощущение, иначе просто сошел бы с ума.

Наконец он ступил за порог церкви. Лес больше не давил на него. Было слишком темно, деревья стояли слишком близко друг к другу, а холодный ветер пронизывал его насквозь и пробирал до самых костей.

Оказавшись на поляне с приземистой хижинкой, он тяжело вздохнул. Он знал это место. Малахия подумывал о том, чтобы повернуть обратно и углубиться в чащу, но какое-то усталое смирение подсказывало ему, что этого не избежать. Вот почему лес был так снисходителен.

Стоило ему приблизиться, как хижина начала двигаться, словно дышащее существо. Он миновал ворота с насаженными на колья забора черепами. На его вкус, слишком белыми, что говорило об относительной свежести костей. Дальше Малахию ждал маленький сад с человеческими пальцами, воткнутыми в сырую землю. Понадеявшись, что все это лишь игра его воображения, он постучал в дверь.

Она открылась сама собой, приглашая его зайти в темноту. Малахия закрыл глаза: к сожалению, он уже знал, что его ждет. Лучше встретить это с достоинством.

– Czijow, Пелагея, – поздоровался он, переступая порог. – И как тебе всегда удается оказываться именно там, где мне не хотелось бы с тобой встретиться?

– Мог бы и не заходить. Мне нравилось смотреть, как ты бесцельно бродишь по лесу.

Он оказался в ее гостиной, той самой, из башни в Гражи-ке, но при этом совершенно другой. На некоторых черепках еще висели куски плоти, а в котле бурлило какое-то варево. Ведьма выглядела старой: ее седые кудри были зачесаны назад, а лицо избородили морщины. Она оглянулась через плечо, прежде чем снова повернуться к огню.

– Ты принес с собой мерзкий привкус. А ну-ка закрой дверь.

Малахии страшно захотелось уйти, но дверь захлопнулась до того, как он успел к ней прикоснуться.

Что ж, теперь ему придется остаться.

– Ты один? – Пелагея наморщила лоб. – Присядь, мальчик. Нам есть что обсудить.

Вот чего ему совсем не хотелось.

– Никогда не думал, что тебе приятно мое общество, – сказал он, но все равно опустился на стул.

Они с ведьмой никогда не ладили. Пелагея никогда не отвечала на его вопросы, и он ненавидел ее за это. В свою оче-

редь, Малахия постоянно нарушал законы этого мира, чем страшно злил ведьму.

– Ты приносишь за собой смерть. Нет, нет, еще хуже. Что-то другое, – она задумчиво склонила голову. – Что ты наде-
лал?

Он открыл рот, не зная, что ответить, но ведьма лишь махнула рукой. Зачерпнув вязкой жидкости из котла, она протянула ему полную миску.

– Не хочешь супа?

Из его груди вырвался стон. Малахия был так голоден, что, потеряв остатки самообладания, с отчаянием выхватил миску из ее рук. Пелагея не сводила с него пристального взгляда, пока он жадно пил густую, обжигающую похлебку.

– О, я так и думала, – тихо сказала она.

Выпив все до последней капли, он снова почувствовал себя опустошенным. Голод царапал его изнутри, а во рту оставался едкий привкус железа, крови, плоти и *желания*.

Миска со звоном упала на пол. Малахия дернул себя за волосы и, прижав ладони ко лбу, медленно выдохнул сквозь сжатые зубы. Неужели это и есть он?

– Наконец-то проявилась твоя истинная сущность, – сказала Пелагея. – Я думала, что ты сможешь это перебороть, но в конце концов мы все уступаем своей природе.

Он упал на колени и согнулся пополам, прижимая руки к лицу. По его ладоням потекли слезы.

– Что ты со мной сделала?

Помимо обжигающей боли, к нему пришло мучительное осознание: его голод невозможно утолить, а грызущая пустота, которую он так осторожно подкармливал, наконец превратилась в зверя, который уничтожит его изнутри.

— О, дитя, я ничего не делала. — Старуха подобрала миску и снова наполнила ее, а затем опустилась на колени рядом с Малахией. — Это не облегчит твои страдания, но, по крайней мере, утолит смертный голод. Думаю, я догадываюсь, что с тобой случилось. Я ожидала, что она использует свою силу на... ком-то другом, но, должно быть, умереть и воскреснуть — это очень тяжело.

Малахия медленно поднял голову. Он вытер глаза дрожащей рукой и нерешительно принял у нее миску.

— Не знаю, что здесь происходит, но это подозрительно похоже на помощь, — сказал он, стараясь пить медленнее, чем в прошлый раз.

Пелагея отстранилась, глядя на реликвии, вплетенные в его волосы.

— Ты говоришь так, словно это случается впервые.

Между ними воцарилась тишина. Ведьма была права: Малахии не стало легче, но, когда миска опустела, его дрожь немного утихла.

— Что это? — спросил он.

— Ты знаешь, *sterevyani bolen*, ты всегда знал. Ты хранил это в тайне всю свою жизнь, подкармливал это магией, знаниями и обещаниями великого будущего. Убеждал себя, что

однажды все станет лучше.

Малахия всегда лелеял эту надежду. Он мечтал, что когда-нибудь его жизнь не будет лишь чередой боли, несчастий и вечного голода. На мгновение он закрыл глаза и потер переносицу.

– Ты облегчил ему задачу, – Пелагея смотрела сквозь Малахию, словно не видела его. – Он нашел крошечные осколки твоей души – те немногие, что у тебя остались, – и превратил их в пыль. Маленький божок, маленький бог хаоса, маленький мальчик, который забрел так далеко от дома. Чирногу даже не пришлось прилагать усилия. Ты сдался. И все же у тебя осталось кое-что для меня.

Малахия вздрогнул.

– Но разве это важно? Ты хотел освободиться от богов, и кто же ты теперь?

– Не бог, – хрипло ответил он.

– Нет, нет, нет и да. Да, мой мальчик. И то, и другое. Все и ничего. Как много ты поглотишь, прежде чем насытишься? Как много уничтожишь?

– Я хочу мира, – прошептал Малахия.

– Лжешь самому себе? Я удивлена.

По крайней мере, у него было имя, которое можно связать с богом. Для Малахии оно ничего не значило. Он смутно помнил, что Катя рассказывала Наде о Чирноге, но он не слушал. Как замороженный, он наблюдал за тем, как лесной свет играет на светлых волосах Нади. Золото, мед и снег.

– Ты и правда здесь или это посмертное наказание за все мои грехи?

Пелагея засмеялась.

– Я так же реальна, как и ты.

– Просто хотел удостовериться.

– Зачем ты здесь? – наконец спросила она, опускаясь на стул. – Ты никогда не хотел моей помощи. Сомневаюсь, что теперь что-то изменилось.

Малахия нахмурился.

– О чем это ты? Я здесь, потому что твоя избушка появилась передо мной.

– Она не показывается людям, которые этого не хотят.

Может, он и хотел помощи, но точно не от враждебной калязинской ведьмы.

– Не думаю, что тебе хочется мне помогать, – ответил Малахия. В конце концов, Чирног был опасным противником.

– Ты зашел так далеко, но так и не понял, что моя воля и мои желания принадлежат только мне одной и не связаны с каким-то фанатичным чувством места или цели. Тебе стоит поменьше думать о своей стране и сосредоточиться на том, что на твоём теле только что открылось тринадцать – нет – пятнадцать глаз.

– Какое бестактное замечание, – сказал он с подчеркнутой строгостью.

Пелагея всполошилась.

– Еще посетители? – пробурчала она. – Мне нужно наса-

дить больше голов на забор. Можно использовать твою?

– Нет, – Малахия старался не паниковать. Кто еще может быть здесь? Он понял, что даже не знает, в какой части леса они находятся. Скорее всего, где-то недалеко от калязинской деревни, жители которой время от времени набредали на избушку ведьмы. И все же ему стоило куда-нибудь спрятаться.

– О нет, оставайся на месте, – махнула Пелагея рукой. – Я так давно хотела поговорить с вами обоими!

Малахии это совсем не понравилось, и он приготовился бежать. Но в дверях показалась высокая фигура незнакомой девушки с усталым лицом. Они с ведьмой обменялись парой неразборчивых слов, и незнакомка в ярости бросилась прочь. Через несколько минут в избушку втолкнули еще одного человека.

Вот дерьмо.

– Вот дерьмо, – сказал Серефин, уставившись на Малахию из-за плеча Пелагеи.

Перед ним стоял Серефин Мелески, высокий и бледный. Король Транавии выглядел так, словно его протащили через ад и вернули обратно. Его каштановые волосы сильно отрасли и растрепались, на левом глазу была повязка, закрывавшая половину лица, а другая половина пестрела многочисленными порезами. При мысли, что этот невыносимый идиот – его родной брат, Малахия испытал странное потрясение. Старший брат. У него был старший брат.

Старший брат, который ударил его кинжалом и оставил

умирать на горе.

Пелагея радостно захлопала в ладоши, незаметно превратившись в их ровесницу.

– Ох, как же мы повеселимся!

Серефин Мелески

«Что-то произошло. Иногда боги говорят, но не так, как прежде.

Я собираю записи, пытаюсь сложить кусочки воедино, но... Чего-то не хватает. Что-то исчезло навсегда».

Отрывок из дневника Иннокентия Тамаркина

Когда Серефин умер, а затем вновь оказался жив, концепция смерти для него не изменилась. Люди все еще умирали. Его личный опыт не менял правил, по которым существовал весь остальной мир, потому что это было слишком необычно, и он не думал, что это может случиться с кем-то еще. Смерть оставалась смертью.

Но перед ним стоял Малахия, который выглядел так же плохо, как Серефин себя чувствовал. Его длинные черные волосы свалились от грязи, а мундир не скрывал изодранной рубашки, в которой он умер. При виде кровавого пятна на груди Малахии у Серефина скрутило живот. Его первой мыслью было броситься наутек, но со связанными руками далеко не убежишь, а он очень не хотел упасть лицом прямо на пальцы, зарытые в саду Пелагеи.

Когда Оля начала делиться своими планами, Серефин сразу догадался, куда они направляются. Кажется, девушка была не в восторге от того, что Пелагея погнала ее прочь, пожелав говорить только с транавийским пленником.

Малахия жив.

Он никак не мог принять эту мысль, то отвергая, то обдумывая ее снова только затем, чтобы опять от нее отмахнуться. Он убил своего брата, и ему оставалось лишь сожалеть о своем поступке. Смерть не давала вторых шансов.

Только вот Малахия был жив.

А если он жив, то наверняка захочет отомстить. Прежде чем Серефин успел отступить, Пелагея схватила его за руки, перерезала веревку на запястьях и втокнула в комнату. Дверь с глухим стуком закрылась за его спиной.

Серефин тяжело сглотнул.

– У меня есть вопрос, – сказал он сдавленным голосом.

Малахия выглядел напряженным, как натянутая тетива, и Серефин не хотел представлять, как железные когти Стервятника пронзают его грудь. Это было бы очень больно, и его бы ждала долгая, мучительная смерть.

Долго ли умирал Малахия?

– Да? – спросила Пелагея.

– Как ты можешь находиться здесь, если ты в Транавии?

Из груди Малахии вырвалось странное, протяжное шипение. Он медленно откинулся на спинку стула. Серефин был благодарен, что его еще не проткнули насквозь.

Пелагея засмеялась.

– А как твой друг Велес перенес тебя через континент? Магия способна на многое.

– У меня до сих пор все болит после этого путешествия, – ответил Серефин, не отрывая глаз от Малахии. Он с нетерпением ждал, когда тот скажет хоть слово, даже если это его уничтожит. Он все еще не мог поверить, что его брат жив. Серефин не хотел его убивать, он не хотел этого делать.

– Что ты сделал со своим глазом? – спросила ведьма.

Серефин неуверенно прижал руку к своей повязке.

– Я избавился от бога, – пробормотал он.

– В самом деле?

Серефин замер, с трудом переводя дыхание. Откуда она могла знать? Да, Велес все еще говорил с ним, но тот, второй, наконец-то замолчал, а он пугал Серефина больше всего на свете. Юный король осторожно опустился на стул, искоса поглядывая на Малахию. Он сам не знал, чего ждет. Наверное, внезапного нападения.

Пелагея закрыла глаза, постукивая пальцами по оленьему черепу, который стоял на маленьком столике. Этот звук отдавался в голосе Серефина: тук-тук-тук.

– Неправильно, нехорошо, совсем не так, как я думала.

– Как мы можем следовать какому-то нелепому божественному плану, если ничего о нем не знаем? – спросил Малахия. Услышав его голос, Серефин немного расслабился.

– Заткнись, глупый мальчишка, – огрызнулась Пелагея.

Лицо Малахии помрачнело.

– Глаз, – сказала ведьма, поворачиваясь к Серефину. – Глаз! Где он?

– Кровь и кости, я не знаю! Я вырвал его из глазницы и оставил на вершине той горы, вместе с ним, – он указал на Малахию.

Пелагея медленно кивнула.

– Это объясняет, почему от вас обоих несет смертью.

– Люди не восстают из мертвых, – жалобно сказал Серефин.

– Но у вас получилось. Два транавийца, одержимые богами, против которых восстал ваш народ. Какая ирония.

– Я не... – начал Малахия, но Пелагея его прервала:

– И что теперь? Что ты будешь делать, sterevyani bolen? Koshto bovilgy? Вся эта сила, скованная цепями. Я знаю, чего он хочет, но знаешь ли ты?

Малахия раздраженно нахмурился. Серефин не был уверен, что Малахия когда-либо признавался в том, что чего-то не знает, и он явно не хотел делать этого сейчас. Черный Стервятник еле заметно покачал головой.

– Бог энтропии¹. Древний, безумный...

– Слабый.

– Может быть. Но как скоро он восстановит свои силы?

¹ Энтропия – в широком смысле слова это мера сложности, хаотичности или неопределенности системы: чем меньше элементы системы подчинены какому-либо порядку, тем выше энтропия.

И я думаю, что ты ему в этом поможешь. Вас объединяет желание поглощать и уничтожать. Этот голод был с тобой еще до того, как тебя сделали таким, до того, как ты сделал себя еще хуже.

Малахия закрыл глаза.

– Многие пробудились. Маленькие *bovilgy* слетаются на бдение, чтобы почтить смерть такого старого и могущественного существа. Их ты тоже поглотит?

Он нахмурился, глядя на нее.

– *Bòwysz?*

Серефин уже не понимал, о чем идет речь.

Взгляд Пелагеи метался между Серефином и Малахией. Наконец она вздохнула.

– Расскажите мне все, что знаете о магии, какой она стала теперь – после удара и разрушения.

– Нет, – решительно сказал Серефин, в то время как Малахия заметно просветлел.

– Что ж...

– Нет, – оборвал его Серефин. – Не играй в эту игру.

Малахия бросил на него испепеляющий взгляд.

– Что-то сломалось, – сказал он, обращаясь к Пелагее. – Все взаимосвязано, да?

Ведьма слегка кивнула, и ее глаза закрылись.

– Разбито на осколки, да. Завеса разорвана. Вы ее разорвали, и теперь мы видим, как с каждой трещиной откалываются все новые куски. Как магия пробуждает тех, кто ни-

когда не должен был возродиться. Что станет с миром, когда такая сила выльется из берегов? Сколько всего будет уничтожено, когда она расплзется по миру?

Глаза Малахии сияли почти маниакальным восторгом, но все же у него хватило порядочности изобразить легкую обеспокоенность.

– Так много магии, так мало контроля. К чему это приведет? Ты – новое существо, порождение хаоса. Эта калязинская девушка – ночной кошмар, поджидающий во мраке. – Ведьма махнула рукой в сторону Серефина: – Ты тоже не смог уйти невредимым, хотя я думаю, что абсолютная божественность тебе не к лицу.

– Отлично, – пробормотал Серефин.

Он взглянул на Малахию. Маска Черного Стервятника слетела: юноша сгорбился на своем стуле, свернувшись калачиком. Бледный, маленький мальчик, которому показали, насколько он чудовищен. Серефин не был уверен, что жалость была правильной эмоцией, но в тот момент он ощутил именно ее.

– Ты говоришь, что избавился от бога, но он все еще говорит с тобой, не так ли? – спросила Пелагея, повернувшись к Серефину. Он кивнул. – Знаешь, что ты сделал? В лесу, который только забирает, забирает и забирает? В том самом лесу, где мы с вами находимся, в лесу, который наконец-то насытился, но совсем не надолго. Скоро он снова проголодается.

– Я... освободил Велеса, – ответил Серефин. Он не понимал, что это значило, и не знал ничего о калязинских богах. Ему не хотелось выпускать Велеса или Чирнога, но он не был достаточно силен, чтобы противостоять им. Он ни на что не годился. Может быть, ему не стоило возвращаться в Транавию. Его страна заслуживала более достойного правителя.

– Да, маленький калязинский кошмар положил этому начало, а ты – приведешь к концу.

– Я не понимаю, о чем ты говоришь.

– Конечно нет. Транавийские мальчишки, вы брыкаетесь и кусаетесь, объявляете войну всему миру, но не знаете, вы вообще ничего не знаете.

– Но ты знаешь. Что насчет этих невнятных пророчеств, которые так и сыплются из твоего рта?

– О, вы уже нарушили порядок. Предсказания и пророчества не высечены в камне. Это всего лишь предположения о том, как может повернуться мир, если каждая фигура встанет на свое место. В них никогда не учитывался мальчик, готовый убить своего брата, так же как и мальчик, готовый убить бога.

Серефин вздрогнул. Малахия же остался неподвижен.

– Это был не я, – прошептал Серефин.

– Не надо оправдываться *передо мной*, маленький король, – ответила Пелагея.

Серефин не решился посмотреть на Малахию. Как у него получилось выжить?

После разговоров с Пелагеей у него всегда оставалось больше вопросов, чем ответов. Ему просто нужно понять, что же он наделал.

– Что будет дальше?

– Все зависит от того, каким ты хочешь видеть этот мир, когда все рухнет. Вы готовы отказаться от мести ради чего-то другого или пойдете по уже намеченному пути? Вы согласны объединиться с калязинцами или будете настаивать на их полном уничтожении?

Лицо Малахии не выражало никаких эмоций, и Серефин знал, что это не сулило ничего хорошего.

Чего хотел Серефин? Скрыться где-нибудь в Транавии и оставить Калязин на растерзание падшим богам. Он хотел сделать то, что у него получалось лучше всего: убежать от своих проблем. В этом он был очень хорош.

Но Серефин Мелески больше не мог убежать. Пришло время стать королем, хоть он и не годился на эту роль.

– А что, если я хочу остановить богов, которых освободил?

Пелагея едва заметно улыбнулась, и ее взгляд переметнулся на Малахию. Подперев подбородок руками, он задумчиво смотрел в одну точку.

– Я не думаю, что у меня есть выбор, – сказал он с дрожью в голосе. На этот раз Малахия действительно был в ужасе, а не просто притворялся испуганным ради образа, который больше не мог поддерживать.

– Ты прав, выбора у тебя нет. Но будешь ли ты ставить палки в колеса своему брату или ваши планы совпадут?

– А как же... – начал Серефин.

– Не знаю, – прервала его Пелагея. – Я больше не знаю, какова ее роль в общем замысле. Я думала, что она ведьма, ожидающая своего часа, но нет. Не ведьма, не клирик, не что-то еще. Я больше не вижу нитей ее судьбы. Только ваши.

Серефин не смог удержаться и перевел взгляд на Малахию. Его младший брат заметно побледнел, а затем его лицо омрачилось.

– Она и так наделала достаточно бед, – пробормотал он.

Пелагея склонила голову набок:

– Да, так и есть. Но разве о тебе нельзя сказать того же?

Малахия не ответил.

– Ничто больше не держится на острие ножа. Вы нарушили равновесие. Велес остался, но куда делись остальные? Как вы думаете, где сейчас Звездан? Зачем ему оставаться в Калязине, если Транавия в таком уязвимом положении?

Серефин сглотнул.

– Они выберутся за пределы Калязина.

– А я вам говорила. Снова, снова и снова. Девушка, чудовище, принц, королева. Их было четверо тогда и четверо сейчас. Вы отказываетесь играть свои роли, но их все равно должно быть четверо, всегда четверо. Мир погрузился в хаос после рождения бога хаоса, и нет никакого способа собрать осколки, но вы можете попробовать. О, вы можете попробо-

вать. Потерпите неудачу или добьетесь успеха – что станет со всеми нами?

– А что насчет богов? – спросил Малахия.

– Так ты мальчик, монстр или бог?

– Я не знаю, – тихо сказал он, покачав головой.

– Нет. Конечно нет. Как будто это не одно и то же.

Малахия задумчиво потер шрамы на своем предплечье.

– Я так голоден, – прошептал он.

Во взгляде Пелагеи мелькнуло что-то похожее на жалость.

– Он будет только усиливаться. Он поглотит всех. Ты исполнишь свое желание. Свергнешь эту божественную империю. Ты ему поможешь? – Серефин с удивлением обнаружил, что она обращается к нему.

– П-помочь Малахии? – испуганно переспросил он.

Ведьма беспечно кивнула.

– Разве Калязин с их проклятыми богами не твои враги? Разве они не отняли у тебя магию? Неужели ты не хочешь отомстить?

Да, да и да. Это никогда не закончится.

Серефин не хотел убивать Малахию. Он заслуживал любого наказания, какого бы только не пожелал его брат, и даже ожидал этого. Потерю магии крови тоже нельзя было оставлять без возмездия. В конце концов, они только и умели, что мстить друг другу. Они стали заложниками этого цикла.

– Да, – наконец ответил Серефин. Он поможет Малахии. Что бы это ни значило.

Пелагея моргнула, как будто это был не тот ответ, которого она ожидала. Малахия молчал, уставившись в пол.

– Ты не знаешь, о чем говоришь, – произнес он после долгой паузы.

Серефин действительно этого не знал. Но он потерял свою власть и свое королевство, так что сотрудничество с Черным Стервятником оставалось единственным способом выжить и вернуть себе трон.

– Что будут делать боги? – спросил Серефин. Без ответа на этот вопрос он просто не мог двигаться дальше. – Я думал, что они не могут напрямую взаимодействовать с миром, поэтому Велесу требовался посредник.

Пелагея молча указала на Малахию, который выглядел довольно болезненно:

– У тебя неверное представление о богах. Осознает ли он, что хаос следует за ним по пятам? Знает ли он, что его существование делает с миром? Конечно нет. Таков путь всего божественного. Ты был в том лесу. Ты знаешь, что он выходит из своих границ. Скоро мир наводнят ужасы Тачилвника. Боги глубин обнажат то, что долгое время скрывалось в темных водах. Этого ты хочешь? Вступить в войну с существами, которые намного старше тебя? Не волнуйся, эта война уже на пороге.

– Птицы, – пробормотал Серефин.

– М-м?

– По дороге сюда птицы кричали. Деревья покрылись чер-

ной плесенью и начали гнить. Это было ужасно.

– Тьма еще не успела зайти далеко. Но она будет расплзаться по миру, пока не захватит все. Беды не обойдут и вашу страну. Она уже столкнулась со своими собственными кошмарами.

– Ох, – выдохнул Малахия.

– Стервятники не сидели сложа руки в ожидании своего Черного Стервятника. Ох и долго же тебя не было. Когда они в последний раз слышали о тебе? Может, отголоски твоей смерти пошли кругами по темной воде? Кто будет претендовать на твою мантию?

Казалось, что Малахия ушел в себя. Задумавшись, он рассеянно порезал свое предплечье железным когтем, и по его бледной коже потекла кровь. Мог ли он использовать магию крови? Серефин не видел его книгу заклинаний. Может, произошедшее не затронуло Стервятников? Это было бы неудивительно, учитывая слухи, которые ходили об их загадочном ордене.

– Они – все еще марионетки в моих руках, – сказал Малахия отстраненным голосом. – Нет никакого нового лидера, и любые притязания на титул незаконны. Новый Черный Стервятник назначается после убийства старого. Это цикл.

– Возрождение, – сказала Пелагея. – Цикл, который вы разорвали. Ты сохраняешь свою власть, но твой орден в полном беспорядке. Куда же они направятся дальше?

Малахия закрыл глаза и медленно выдохнул:

– Гражик.

На коже Серефина выступил холодный пот. Если Стервятники захватят столицу, он ничего не сможет сделать, даже с помощью Малахии. К тому же он не верил, что его брат отберет трон у другого Стервятника и вернет власть законному правителю. Нет, Малахия оставит корону себе.

– Не правда ли удивительно, как все разваливается в ваше отсутствие? Два мальчика, столь важные для судьбы этого мира. Вы провели столько времени во вражеских землях, и неужели это ничему вас не научило?

– Мы можем отправиться домой? – в отчаянии спросил Серефин, глядя на ведьму.

– Может быть, да, а может, и нет. Перед вами стоит такой непростой выбор. Вы не выберетесь отсюда живыми, если не будете работать вместе. Да, вам знаком вкус смерти, и вы никогда его не забудете, но она уже готова снова забрать вас к себе.

– Что случилось, когда я убил ту богиню? – внезапно спросил Малахия.

– Велес хотел смерти Маржени, – сказал Серефин, прежде чем Пелагея успела ответить.

– Так и было. Каково это: знать, что всеми твоими поступками управляет другое существо? Вы думали, что действуете в своих интересах, и в то же время совершенно потеряли контроль над собой.

– Она должна была умереть, – отрезал Малахия.

– Неужели?

Он открыл, потом закрыл рот и наконец медленно произнес:

– Она собиралась убить Надю.

– Ах. Мы снова возвращаемся к девушке.

– Нет.

– О, ты не можешь так просто от нее избавиться. Ее роль... – Пелагея умолкла и быстро заморгала, словно ее вдруг что-то встревожило.

Серефина пугала мысль о том, что на свете есть вещи, способные встревожить Пелагею.

– О, – прошептала ведьма. – Все кружится в водовороте, позвоночники ломаются под тяжестью ужасного выбора, – ее голос звучал все громче и безумнее. – Мертвые боги пробуждаются, живые боги мертвы, магия, кровь и великий голод, который поглотит мир и утопит всех нас во тьме. Что-то изменилось. Кто-то проснулся, заключил договор, выбрал путь, но тьма... вечная, неподвижная. Набери полный рот пепла божественных последствий.

Побледневший Малахия смотрел на нее широко раскрытыми глазами.

– Что? – его голос дрогнул.

Комнату наполнила неистовая энергия, и пламя в камине вспыхнуло тошнотворно-зеленым светом.

– Божественная справедливость, божественное провидение и пути, по которым следовало идти, – все это разруши-

ли вы, глупые дети. Проклятие, злой рок, черное пятно на каждом из вас, кто прикоснулся ко тьме и поглотил свет, – прошептала Пелагея. – Ты не можешь это остановить. Кто ты такой? Мальчик, ребенок, bovilgy, маленький и хрупкий. Ты в его власти.

– Я же говорил, что он слаб, – сказал Малахия с отчаянием в голосе. Серефину ужасно хотелось поскорее уйти.

– Слаб?! – воскликнула Пелагея. – Даже слабый, он все равно погубит весь мир. Кто его освободил, кто его выпустил? – Она впилась взглядом в Серефина: – Это был ты. Глаз. Глаз! Где он?

– Уж точно не у меня на лице, ведьма. Откуда мне знать? Пелагея повернулась к Малахии, и юноша вздрогнул, сжав пальцы в кулак.

– Он у тебя, – прошипела ведьма.
В животе у Серефина похолодело от ужаса.

Брови Малахии опустились вниз, натягивая татуировки на лбу. Он медленно разжал пальцы левой руки, и в центре его ладони открылся глаз, синий, как полночное небо, с разбросанными по нему звездами.

– Ох, – тихо простонал он.
– Как такое возможно? – спросил Серефин.
Малахия молча покачал головой.

– Поглощение, – пробормотала Пелагея. – О нет, о, все это гораздо хуже, чем я думала. Хуже, чем я себе представляла. Что ты наделал? Что вы оба наделали?

– Хочешь... – Малахия ткнул в глаз указательным пальцем.

Серефин был близок к тому, чтобы расстаться с содержимым своего желудка.

– Хочешь получить его назад?

Серефин поднялся на ноги и, не сказав ни слова, вышел на улицу, где его сразу же стошнило.

Надежда Лаптева

*«В самых темных и глубоких водах запряжаны
старые вещи, которые присвоил себе Звездан.
Кладезь нечестивой магии».*
Книги Иннокентия

Надя привыкла к одиночеству. Она привыкла к калязинским горам, лесам и крошечным, старым деревушкам. Но по мере того, как они продвигались все дальше на запад, им все чаще стали встречаться крупные города, где на девушку устремлялись десятки любопытных глаз. Ей было велено никогда не снимать перчатку, даже когда гостеприимные бояре приглашали спутников царевны посетить баню.

– Не вздумай ее снять, – шептала Катя. – Иначе сразу же попадешь на костер.

Поэтому Надя старательно прятала свою руку. Катя проявляла потрясающую бесцеремонность по этому поводу, но зато им наконец-то удалось выработать общий, хоть и не очень надежный план. Весь мир думал, что Надя – клирик, и она не спешила никого переубеждать. Конечно, ей хотелось бы знать правду. Ей почти хотелось поговорить об этом с Пе-

лагеей. Но вместо этого она просто надеялась, что в Комязалове найдется человек, которому можно будет довериться.

Они находились в городке Воци Доворик, расположенном в широкой расщелине посреди густого леса. До Комязалова оставалось всего несколько дней пути, но Катя не торопилась уезжать.

Похоже, не только у Париджахан имелись проблемы с возвращением домой.

Во время их путешествия бояре были счастливы распахнуть свои двери для царевны, но Надя не могла не заметить подозрительных взглядов, направленных на аколийцев, и откровенной враждебности по отношению к Остии.

Они бесцельно бродили по городу. Надя не хотела провести весь день в вычурном доме боярина, к тому же ей было просто необходимо выйти на улицу. Она решила направиться к окраине города, и Остия с удовольствием последовала за ней. Рыночная площадь представляла крайне печальное зрелище. Зима душила страну, морила ее голодом. Но Воци Доворику повезло больше других городов: рынок все еще работал, а среди торговцев можно было заметить чужестранцев с севера, которые продавали свои изделия и меха. Здесь все еще теплилась жизнь, но надолго ли это?

– Знаешь, я всегда хотела увидеть ваши города. Правда, в моих мечтах они сгорали в огне.

Они говорили на калязинском, и, хотя Остии с трудом давался чужой язык, она кое-как умудрялась подбирать слова.

Правда, у нее был ужасный акцент, вызывающий заметное беспокойство у случайных прохожих.

– Неужели ты думала, что транавийская армия зайдет так далеко?

Остия пожала плечами:

– Чтобы выжить на войне, надо во что-то верить.

– Остия, ты обязательно вернешься домой.

– Ты удручающе оптимистична для человека, который целыми днями ходит с таким кислым видом.

– Удручающий оптимизм – это все, что у меня осталось.

Остия не ответила. Возможно, она чувствовала то же самое. Надя, в свою очередь, просто радовалась тому, что транавийка перестала ей угрожать. В конце концов, это не она заставляла Серефина идти в лес.

Надя изо всех сил старалась не обращать внимания на людей, которые расступались перед ней, где бы она ни проходила, и игнорировала благоговейный шепот. Все вокруг обсуждали девушку, с которой разговаривали сами боги. Она скучала по тому времени, когда эти слова были правдой.

Из-за того, что снег постоянно таял и снова замерзал, на дороге образовались вечные колеи, оставленные колесами повозок. Ледяная корка тяжелым грузом лежала на крышах зданий. В той части города, куда они забрели, большинство построек было сделано из дерева. Каменные дома самых богатых жителей города стояли на холме. Мимо проходили усталые и замерзшие люди в плотно застегнутых зипу-

нах и меховых шапках. Наде казалось, что вокруг слишкомлюдно, а она жаждала уединения.

Ее так и подмывало зайти в ближайшую церковь, но она не хотела доставлять неудобств своей спутнице.

– Мне все равно, куда ты пойдешь, – сказала Остия, когда девушка невзначай упомянула об этом. – Я просто хотела убраться подальше от этого боярина. Меня нервирует его взгляд. Если мы не уйдем в ближайшее время, он убьет меня во сне, а ведь ему даже неизвестно, что я маг крови! Он ненавидит меня просто потому, что я транавийка.

– Разве этого недостаточно?

Остия бросила на Надю скептический взгляд, но все равно последовала за ней. Церковь стояла на самой окраине в южной части города. Это казалось странным, но Катя говорила, что раньше на месте города была деревня. Когда она разрослась, церковь так и осталась на отшибе вместе с местным кладбищем.

– Остия, если бы ты знала, что я калязинка, то убила бы меня прямо во дворце Гражика. Не задавая вопросов.

Казалось, Остия задумалась над ее словами, но спорить не стала. Они слишком хорошо знали свои корни.

Церковь была деревянной, старой и неухоженной, с облупившейся краской и гниющими досками. Учитывая размеры города, она казалась совсем крошечной. Все здесь напоминало о былых временах, забытых и оставленных в пыли. Это безмерно опечалило Надю: за последнее время она пе-

ресмотрела свой взгляд на многие вещи, и все же ее расстраивало, что, пока весь остальной мир стремился в будущее, церковь оставалась в прошлом. По Надиной щеке покатилась слеза, и девушка торопливо вытерла ее рукой.

Остия тихо фыркнула, когда они вошли внутрь.

– Не только ты потеряла близкого человека, – ее голос звучал гораздо мягче, чем Надя того заслуживала.

– Я потеряла все, – огрызнулась Надя.

Она протиснулась мимо Остии, прошла через поблекший неф и оказалась в святилище. Внутри все оказалось таким же старым, как и снаружи. Нигде не было видно скамеек: раньше людям не разрешалось сидеть во время службы, и большинство церквей не торопились позволять своим прихожанам немного отдохнуть. В святилище монастыря, куда Надя привела Малахию, стояли скамейки, что говорило об относительно недавнем времени постройки.

Она стояла в тишине, жалея, что боль не дает ей по-настоящему насладиться этой атмосферой.

– Ты потеряла не все, – вдруг сказала Остия. – Ты все еще здесь, чего нельзя сказать о многих других. Да, тебе больно, и да, ты хочешь сдаться. Но ты не можешь. Только у тебя осталась магия.

– Катя...

– Катю нельзя назвать даже ворожеей, не то что ведьмой. У нее много талантов, но магия – не один из них.

Надя нахмурилась:

– Ты не понимаешь...

– Нет, Надя, это ты не понимаешь. Не буду отрицать, тебе пришлось нелегко, но я провела последние три года на полях сражений, день за днем теряя всех, кого любила. Ты не знаешь, каково это, оказаться перед выбором спасти друга или защитить своего принца. И я всегда выбирала Серефина. Я всегда буду выбирать его.

Надя не сразу нашла, что ответить. Остия всегда выглядела неприступной, но в тусклом церковном свете неряшливая прическа транавийки больше не казалась частью ее вызывающего образа. Надя разглядела в чертах своей спутницы глубокое отчаяние и усталость.

– С ним все в порядке, – тихо сказала Надя.

– Не нужно мне лгать, – ответила Остия. – И не пытайся использовать это в качестве оправдания. Не думай, что можешь просто сидеть сложа руки, пока он исправляет весь этот бардак.

– Вообще-то, Серефин не славится своим умением решать проблемы.

Остия рассмеялась, заставив Надю улыбнуться. Она и не помнила, когда улыбалась в последний раз.

– Пожалуй, ты права, – согласилась Остия. – Но когда-нибудь он научится. В конце концов, он наш король.

Надя издала неразборчивый звук.

– Но... – Остия замолчала, уставившись на иконы. – Ты нас погубила. У него тоже нет магии.

Надя даже не вздрогнула. Это была чистая правда. Она все разрушила.

– Я не могу взвалить мир на свои плечи, – прошептала Надя.

– Тебе следовало подумать об этом до того, как все испортить, – заметила Остия, и Надя невольно вздрогнула. – После того, что ты сделала в Гражике, я ожидала от тебя чего-то большего.

Если бы Надя могла вернуться к тому, какой она была в Гражике: полной праведной ярости, необузданного любопытства и искреннего желания спасти всех вокруг, – она бы сделала это, даже не раздумывая. Она бы повернула время вспять и нашла другой способ доказать свою преданность Маржене. Она бы сказала Малахии правду, вместо того чтобы участвовать в его предательской игре. Но ее жизнь состояла из череды неудачных решений, принятых в отчаянии, и пути назад уже не было.

– Я сделала то, что должна была, – прошептала Надя.

– Этого недостаточно, – задумчиво сказала Остия. – Когда я была совсем юной, мои родители предоставили мне иллюзорный выбор, как это принято в знатных семьях Транавии.

Надя сомневалась, что им стоит так открыто говорить о Транавии. С другой стороны, Катя очень громко заявляла о своей «транавийской пленнице», так что они в любой момент могли воспользоваться ее титулом и влиянием, если бы им понадобилась защита.

– Я единственная наследница своего рода, что не очень-то удобно, учитывая, что один ребенок должен отправиться на войну, а другой – ко двору. Родители предполагали, что я выберу двор, потому что какая шестнадцатилетняя девочка добровольно отправится на фронт? Но Серефина вынуждали идти на войну, а мои родители считали, что этого будет недостаточно, чтобы склонить меня к верной гибели, – Остия слегка улыбнулась. – Они думали, что уйти на фронт можно только вслед за возлюбленным, а я, очевидно, не была влюблена в принца.

Надя тихо фыркнула.

– Причина моего выбора была вовсе не в преданности. Родителей раздражали мои романтические предпочтения, потому что это закрывало определенные двери, важные для транавийской аристократии. Мне хотелось жить своей жизнью, и война стала единственным вариантом. Я надеялась, что она продлится не больше пары лет.

Надя нахмурилась. Она не понимала, зачем Остия изливает перед ней душу.

– Я не хочу, чтобы кому-то пришлось делать такой же выбор. Остаться дома и притворяться кем-то другим ради сохранения фамильной чести или отправиться на войну и, скорее всего, умереть ужасной смертью, потому что твои полковые товарищи не осудят тебя за любовь к девушкам.

– Это имело бы значение, не будь ты славкой? – спросила Надя.

– Нет. Это идеалы старого двора. Наследие, дети и все такое.

Надя задумчиво хмыкнула. Дверь в святилище открылась, и к алтарю подошел молодой человек, даже не подавший виду, что он их заметил.

– Я не хочу бросать этот мир на произвол судьбы, – сказала Остия, игнорируя присутствие незнакомца. – Но мы неизбежно движемся к новой войне.

– Из-за меня.

Остия не стала возражать. В словах транавийки было зерно истины, впрочем, как и в словах Рашида. Надя не должна была решать проблемы всего мира, но она должна была попытаться исправить свои собственные ошибки.

– Мы можем на секунду забыть о конце света и старых богах? Лучше вернемся к разговору о твоём детстве. Просто это более приятная тема.

Молодой человек слегка напрягся, но так и не повернулся. Скоро весь город будет шептаться о старых богах.

Остия рассмеялась:

– Ни за что. На войне было ужасно, а при дворе – еще хуже. Ну, не считая Равалык. Какая отличная идея: пригласить в Гражик всех самых красивых и талантливых девушек.

– Я была слишком напугана, чтобы оценить его по достоинству.

– Дай угадаю, твой вкус на девушек так же ужасен, как и на парней?

Надя сморщила нос:

– Даже не сомневайся.

Дверь в церковь с грохотом распахнулась, и молодой человек чуть не выбежал из святилища, когда на пороге появилась Катя.

– Виктор! – голос явно принадлежал человеку, который собирается получить максимум удовольствия от чужого испуга и неловкости. – Я и не знала, что ты покинул Комязалов!

– Понимаю, – тихо сказала Остия, наблюдая за Катей, – у меня тоже ужасный вкус.

– Это... плохо, – заключила Остия.

И это было огромное преуменьшение.

– О, правда? А то я еще сомневалась. Хорошо, что ты подсказала, – иронично заметила Катя.

Надя закатила глаза.

Царевна вывела их на кладбище. Часть могил выглядела вполне ухоженно, а вот остальные пребывали в печальном состоянии. Как будто кто-то второпях выкопал тела умерших или они сами выбрались на поверхность.

Надя провела пальцем по могильной плите. Она почернела от плесени. Девушка оглянулась через плечо, туда, где вдалеке виднелись болота, и Катя проследила за ее взглядом.

– Священник говорит, что оно подбирается все ближе, – сказала царевна.

– Все болото? – Надя не смогла скрыть скептицизма в своем голосе. Катя молча кивнула. – И как, скажи на милость, это происходит?

– Не строй из себя дурочку, милая, тебе это не идет, – рассеянно ответила Катя.

Надя вздохнула.

– В конце концов, это ты заставила того Стервятника сломать стену, которая стояла с древнейших времен.

Последнее, что Наде хотелось услышать, – это очередное напоминание об ее ошибках. Она сжала кулаки. Перехватив ее взгляд, Остия слегка покачала головой.

– Даже если бы Надя ни о чем его не просила, он все равно сделал бы это, несмотря ни на что, – отметила транавийка.

– И все же, – сказала Катя, нахмутив брови.

– И все же, – согласилась Остия, – сделанного не вернуть.

Итак, у кого-нибудь есть предположения, куда делись тела?

– И где священник? – спросила Надя.

Она подошла ближе, чтобы осмотреть одну из пустых могил. Ее первая догадка оказалась неверной. Кто-то явно продирался из-под земли.

Сначала Серефин возвращается из мертвых, а теперь это? Что случится со смертью, если богини, которая ей управляла, больше нет? Судя по всему, мертвецы не хотели оставаться в своих могилах.

Задумавшись, Надя чуть не проглядела, как царевна неловко переминается с ноги на ногу, и внимательно посмот-

рела на Катю, которая явно избегала ее взгляда.

– Где священник? – повторила она.

– Он не захотел с тобой разговаривать, – ответила Катя.

Надя растерянно заморгала:

– Что?

– Говорят, что с тех пор, как ты появилась в городе, иконы начали плакать. – В кулаке царица сжимала несколько скомканных бумажек.

По Надиной спине пробежал холодок. Она и не заметила, что в церкви что-то было неладно.

Старательно отводя взгляд, Катя присела на корточки, чтобы осмотреть другую могилу.

– Я собирала отчеты в каждом городе и деревне, через которые мы проезжали. Все они говорят об одном и том же. Иконы плачут, и не всегда обычными слезами. В Гажденвии статуи, посвященные Вещеславу, Божидарке, Миесте и Алене, плакали кровью, что довольно необычно. А статуя Маржени начала разрушаться.

К Надиному горлу подступила тошнота.

– Есть еще кое-что, – сказала Катя, откидываясь на пятки и глядя на Надю снизу вверх.

– Расскажи мне.

– Древний тополь, который веками защищал город Чезечни, загорелся. В холмах Вольтек нашли тела целого монашеского ордена, и никто не может объяснить, как они умерли. Фермеры, которые разводят скот возле озер Йевештри, со-

общили, что все их стада утонули.

Каждый отчет ударом обрушивался на Надю.

– И зима, – прошептала она.

– И зима, – согласилась Катя. – Но единственное происшествие, которое можно напрямую связать с тобой, – это плачущие иконы, – она перевела взгляд на Надину руку, спрятанную под перчаткой. Это была очень дорогая кожаная перчатка, но царица все равно за нее заплатила. – Я думала, что ты клирик. Теперь я начинаю сомневаться.

– Я все еще клирик.

Но при этом она была кем-то еще. Надя подозревала, что Катя рассказала ей далеко не все, но не была уверена, что ее сердце выдержит такой поток новостей.

– Стервятники выдвинулись на фронт, – продолжила Катя. – Может, ты и сделала что-то с магией крови, но на них это не подействовало.

Разве такое возможно? Знания о магии крови стерлись из памяти людей, как будто их никогда и не существовало. Надя посмотрела на Остию, которая явно обдумывала эту мысль.

– Стервятники созданы из магии, – сказала она. – Они не просто маги крови. Если бы исчезла магия, они бы исчезли вместе с ней.

– Тогда почему этого не произошло?

– Малахия мог бы ответить на этот вопрос, – пробормотала Надя. Она не осознавала, что сказала это вслух, пока не увидела, что две другие девушки изумленно уставились на

нее.

– Я же предупреждала, что его не стоит упоминать, – сказала Катя.

– Никто в Калязине не знает его чертово имя, – огрызнулась Надя. Ей нужно было поговорить с Живией. Она не хотела, чтобы Стервятница встречалась с Катей, но попытаться все равно стоило. – Что это за бумаги?

Катя взглянула на скомканные бумажки у себя в руке.

– Листовки из церкви. Похоже, эпоха магии подошла к концу. Время клириков истекло, и теперь мы можем лишь обратиться к церкви за наставлением.

Надя сглотнула. Этого следовало ожидать.

– Я возвращаюсь в церковь, – сказала она. – Встретимся позже.

Катя коротко кивнула. Остия выглядела так, словно не хотела оставлять Надю в одиночестве, но в конце концов ушла вместе с царевной.

«Хорошо. Один из вас должен со мной поговорить. Кто угодно».

Надя зашла в святилище. Внутри было пусто, воздух казался спертым, а свет словно... потускнел.

Иконы плакали кровавыми слезами.

Малахия Чехович

«Я слышу шепот в ночи. Мне казалось, что это всего лишь сны, но они стали такими настойчивыми. То, что они говорят... Есть ли правда в этих словах? Есть ли правда в том, что сказала Одета? Все, за что мы боремся, – это ложь?»

Отрывок из дневника Селестины Приваловой

Когда Серефин вернулся, его кожа посерела и казалась почти зеленой. Он молча сел обратно на свой стул. Пока его не было, Пелагея не переставала бормотать какую-то бессмыслицу, то и дело поглядывая на Малахию, словно убила бы его на месте, если бы могла. Атмосфера в избушке становилось все более недоброжелательной.

– Ох, – сказал Серефин. – Он исчез.

Малахия потерял свою ладонь.

– Так бывает. Не переживай, он еще вернется.

Серефин выглядел так, как будто его снова тошнит.

– Убирайтесь, вы оба, – сказала Пелагея. – Мне нужно подумать. Спланировать. Не надо так жалобно на меня смотреть, – огрызнулась она на Серефина. – Я найду вас, если

понадобится. Сейчас у вас есть проблемы посерьезнее. Я не единственная, кто знает о том, что пробудилось, и у той ведьмы, которая ждет снаружи, весьма неприятная компания.

Внезапно ее хижина исчезла, а Малахия и Серефин остались одни на темной поляне. Серефин торопливо вскочил на ноги, чтобы отойти подальше от своего младшего брата. На мгновение Малахия задумался, а затем перевернулся, уткнувшись лицом в траву, и замер на месте.

Тишину, повисшую над поляной, нарушал только шелест сухих листьев.

– Я думал, что ты будешь злиться, – сказал Серефин.

Злился ли Малахия? Да, очень. Со стороны Серефина было нечестно ударить его прямо в тот момент, когда он наконец начал вспоминать все, что у него отняли. Если подумать, то вонзать нож ему в сердце было в принципе нечестно.

Но он жив. Куда бы ни вела его судьба, он не хотел идти по этому пути в одиночку. Все было очень запутанно и очень громко. Он привык к тому, что его эмоции проявлялись слишком сильно и громко, но теперь стало еще хуже. Его ярость никогда не выражалась прямой агрессией, поэтому мысль о том, чтобы наброситься на Серефина, попросту не находила в нем отклика. С его точки зрения, было бы намного интереснее составить запутанный план, который приведет Серефина к полному краху, но эту идею можно отложить на потом. В будущем месть могла стать необходимым инструментом. Малахия не знал, чего хочет Серефин,

но братоубийство явно входило в перечень его интересов.

– Пожалуйста, больше не протыкай меня кинжалом, – сказал Малахия, не поднимая лица от земли.

Он услышал, как Серефин вздыхает и тяжело опускается на траву рядом с его головой.

– Я... – Серефин колебался. – Только теперь я осознал, что был готов оплакивать твою смерть.

Малахия перекатился на спину. Он понимал, что ему вряд ли удастся выжить. Скорее всего, Серефину еще придется погоревать.

– Думаю, не существует слов, которыми я мог бы оправдать свой поступок.

– Нет, – рассеянно подтвердил Малахия. Он снова чувствовал голод.

Серефин откинулся на руки, устремив взгляд вверх, на кроны деревьев.

– Если хочешь знать, я действительно рад, что ты жив.

– Прозвучало так, будто тебя самого это удивляет.

– Ну, ты мне не особенно нравишься.

– Это взаимно.

На мгновение что-то в выражении лица Серефина изменилось:

– Когда-то давно я считал тебя другом. Прости. Это все, что я могу сказать.

Малахия прищурился, пытаясь оценить, насколько изуродовано лицо Серефина. Он выглядел плохо. Кожу покрыва-

ли длинные, засохшие порезы, повязка на левом глазу говорила о плачевном состоянии глазницы. Волосы отрасли так сильно, что теперь он мог завязывать их в хвост, а его черты омрачала сильная усталость.

– Все славки будут перешептываться у тебя за спиной, – сказал Малахия.

Губы Серефина тронула еле заметная улыбка:

– Кацпер не говорит мне, насколько все плохо, а это значит, что все еще хуже, чем я думал.

– У одной Стервятницы в моем ордене столько же шрамов, сколько и у тебя, а она сражалась с тремя лешими одновременно.

Спокойствие было нарушено странными звуками. Что-то неслось по лесу с пугающей скоростью. Серефин вскочил на ноги, а Малахия сел, но так и не поднялся с земли. Он обладал силой бога, так что его не особенно волновали ужасы этого леса. А вот разъяренный транавиец уже немного настораживал. Он отпрянул от клинка, который нацелился ему в лицо.

– Кацпер! – воскликнул Серефин.

Но юноша не собирался останавливаться. Малахия бросился на другую сторону поляны, испугавшись, что, если даст отпор, Кацпер этого не переживет. Он не хотел давать Серефину еще одну причину убить его. Малахия поднял руки:

– Прошу, отзови своего генерала. Сейчас неподходящее

время для драки.

– Я не генерал, – пробормотал Кацпер, и Серефин удивленно моргнул:

– Нет?

– Лейтенант.

– Нет...

Кацпер кивнул:

– Остия генерал. Ты повысил ее, но не повысил меня.

– Не может быть.

– Ты был очень пьян, когда назначил ее генералом.

Серефин задумался:

– Звучит правдоподобно.

«Угораздило же меня оказаться именно здесь», – устало подумал Малахия. Он начал ковырять гнилое пятно на дереве. Это не предвещало ничего хорошего. На самом деле, чем пристальнее он приглядывался к состоянию поляны, тем больше странностей бросалось ему в глаза. Землю усеивали тела мертвых птиц. Повсюду валялись крошечные кости. С тех пор как Пелагея исчезла вместе со своей хижинкой, вокруг стало подозрительно тихо. Даже несмотря на его шумную компанию, из леса должны были доноситься хоть какие-то звуки.

– А ты хотел бы получить повышение? – спросил Серефин, и Кацпер всерьез задумался.

– Я возвращаюсь в лес, – объявил Малахия. – Лучше попытаю удачу там.

– Стой, Малахия, – начал Серефин.

– Я бы хотел повышение, – тихо сказал Кацпер.

Малахия поднял бровь:

– Не лучше ли нам разойтись? Прежде чем кто-то из нас ударит другого ножом или перережет ему горло.

Он не ожидал увидеть вспышку, промелькнувшую на лице Серефина. Король выглядел совершенно потерянным. Неужели это из-за того, что Малахия хотел уйти?

– Тебе нужна помощь, Малахия.

– Нет. Особенно от тебя, – он повернулся, готовый уйти.

Малахии не нравилось осознавать, что он заблудился. Этот бесконечный лес хотел только одного – полакомиться его костями.

К тому же бог подозрительно затих, но молчание еще не означало его отсутствия.

«Разве ты не хотел, чтобы я был послушным?» – саркастично подумал Малахия.

«Так это послушание? Что-то не похоже».

Это ощущалось как нож, пронзивший его мозг, как иглы под ногтями. Каждый раз этот голос приносил ему невообразимую боль.

«Почему мне так плохо? Это из-за тебя?»

«Можешь винить во всем свою человеческую природу. Вам, смертным, хорошо удается бежать от самих себя, но в конце концов реальность все равно вас настигнет».

Малахия не понимал, что с ним происходит.

«Разве это не то, что волнует тебя по-настоящему? – в голосе Чирнога звучало любопытство. – Ты не хочешь знать, что с тобой случилось. Ты хочешь понять».

«Конечно, это самое главное», – огрызнулся Малахия.

Что-то тяжело двигалось между деревьями. Малахия вздрогнул, чувствуя, как под его кожей зудит магия. Не было никаких гарантий, что он сможет контролировать себя, если его темная сторона возьмет верх. Он не хотел проверять, сколько магии осталось, потому что это означало неминуемое погружение в опасные воды, которые могли его поглотить.

– Нам нужно уходить, – внезапно сказал Серефин, хватая его за руку.

Малахия вздрогнул, но не стал сопротивляться, когда Серефин потащил его в лес.

– Подожди, он идет с нами? – воскликнул Кацпер.

– А как иначе я буду за ним присматривать? – крикнул Серефин через плечо. На его лице появилась улыбка, которая всерьез озадачила Малахию.

– Мы даже не знаем, от кого бежим, – сказал он.

– Прости, но я не собираюсь это выяснять! – ответил Серефин и тут же врезался в высокую фигуру. Малахия резко затормозил, подняв облако пыли и сухих листьев.

Лицо незнакомца скрывала тень капюшона, но все же оно казалось пугающе знакомым. Малахия никак не мог понять, кто перед ним, пока...

Железный шип, пронзивший бледную ладонь. Надину ладонь. Его когти впивались в ее руки, потому что она давала ему силу, намного более темную, чем он мог себе представить. Этот момент казался знакомым, но такого никогда не происходило на самом деле. Возможно, лес просто играл с его сознанием, когда он был один. Он ведь был один, правда же?

«Кто они такие?»

«Неужели ты думал, что у меня нет последователей в этом мире?»

Вокруг них замкнулся круг из фигур в капюшонах. Малахия взглянул на Серефина, и тот понял все без лишних слов, отчего его глаза широко распахнулись.

– Подожди, Малахия...

Во рту расцвел привкус меди. Его зрение изменилось и стало намного острее, когда на коже открылись десятки новых глаз. Из окровавленных пальцев выросли железные когти, зубы во рту заострились, превращаясь в клыки. На этом он остановился. Или скорее попытался остановиться.

Taszní nem, Малахия.

Не заходи слишком далеко.

Не теряй остатки человечности.

«Ты давно их потерял, мальчик».

Малахия нанес первый удар.

Он был намного быстрее прислужников Чирного, намного могущественнее. Но он устал, был голоден и опутан волей

древнего существа, поэтому, даже когда его когти раздирали черные одежды, а зубы вонзались в плоть, этого было недостаточно.

Чирног не хотел, чтобы он сопротивлялся. Чирног хотел подчинения. Внезапно тело Малахии перестало его слушаться. Он ударился о землю с такой силой, что его кости хрустнули, а острые зубы порезали нижнюю губу. Он сплюнул кровь на ботинок одного из прислужников.

– Ну, ну, успокойся, – произнес мелодичный и обманчиво нежный голос. – Мы не хотим навредить ни тебе, ни твоим спутникам, – кто-то опустил на одно колено и приподнял подбородок Малахии рукой в перчатке. – Что за удивительное существо.

Он пожалел, что выплюнул кровь на ботинок, а не прямо в лицо незнакомцу. Все двигалось слишком быстро и слишком медленно, и он, казалось, не мог произнести ни слова.

– Вырубите их. Нам предстоит долгий путь, и я не хочу, чтобы они сопротивлялись.

Малахия пытался подняться на ноги, но его тело не слушалось.

«Что со мной происходит?»

«Ты сделал очень много предположений о том, что я могу тебе дать, но никогда не задумывался, как на самом деле работает наш договор. Ты – ничто. Смертная плоть, червь, не что иное, как сосуд, исполняющий мою волю, а моя воля – это разрушение и поглощение. Ты можешь бороть-

ся или быть послушным – все это не имеет значения. Я выиграю. Я всегда выигрываю. А тебя нужно подтолкнуть в правильном направлении. Мои последователи схватили того, кто пробудился, и мне нужно, чтобы ты его уничтожил. Разве ты не голоден?»

Он умирал с голоду.

Надежда Лаптева

*«Реки Калязина – это следы, оставшиеся от
ногтей Любицы, когда она рыла землю от горя».
Книги Иннокентия*

За свою жизнь Надя успела поговорить со многими богами. У других детей в монастыре были свои воображаемые друзья: братья, сестры, семья. Но у Нади в голове звучали голоса, которые рассказывали ей о мире. Больше всех говорила Марженя. Покровительница девочки, родившейся в самом сердце хаоса. Богиня шептала о магии, о войне и не уставала повторять, как сильно она любит девочку. Девочку, чьи волосы выцвели от прикосновения богов. Девочку, которая внимательно слушала все, что ей говорят, и держала магию в своих ладонях. Девочку, которая мечтала о войне.

Неужели любовь могла быть такой удушающей? Разве любовь попросила бы девочку вырвать свое сердце, разбитое и окровавленное, и предложить его взамен на возможную крупницу прощения? Сделать выбор между своей богиней и друзьями, между святостью и юношей, которого она полюбила? Потерять все и не получить ничего взамен?

Надя не понимала любви.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.